

У кромки океана

Автор:

Ким Робинсон

У кромки океана

Ким Стэнли Робинсон

Калифорнийский триптих #3

В своем романе, заканчивающем «Калифорнийский триптих», Робинсон снова переносит нас в середину XXI века. Книга не является буквальным продолжением двух предыдущих романов. Вся трилогия – разные альтернативные версии одного мира. «Дикий берег» изображал общество, пережившее ядерный холокост. «Золотое побережье» отражало кризис эпохи гонки вооружений и неконтролируемого технологического прогресса. «У кромки океана» посвящен экологической и социальной утопии, созданной при помощи ограничения численности населения, закрытия мультинациональных корпораций, запрета войн и рационального использования возобновляемых ресурсов.

Кевин, молодой архитектор и строитель, выросший в этом «зеленом» мире, оказывается вовлечен в конфликт с Альфредо, мэром Эль-Модены, который хочет построить медицинский центр на заповедной и идиллической территории. За мэром стоят безликие силы остатков корпораций. К борьбе присоединятся адвокат Оскар и дед Кевина – Том Барнард, бывший диссидент и один из создателей нового общественного строя.

Ким Стэнли Робинсон

У кромки океана

Kim Stanley Robinson

Pacific Edge: Three Californias (Wild Shore Triptych)

© К. Королев, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моим родителям

1

Никакие неприятности не могут омрачить такое утро. Прохладно, пахнет шалфеем. В воздухе царит та ясность, что приходит в Южную Калифорнию, когда Санта-Ана[1 - Ветер, дующий с одноименного перевала. (Здесь и далее примеч. пер.)] прогоняет туманы к морю. Воздух прозрачен, как хрусталь, и до заснеженных гор Сан-Габриэль, кажется, можно дотянуться рукой, хотя они и в сорока милях отсюда. Склоны голубых предгорий прорезаны глубокими ущельями. У подножий, простираясь до самой кромки прибоя, тянется широкая прибрежная долина, на которой при взгляде сверху не видно ничего, кроме верхушек деревьев: рощи апельсинов, авокадо, лимонов, маслин, живые стены пальм и эвкалиптов, тысячи видов декоративных растений – и природных, и выведенных человеком. Вся равнина кажется буйно разросшимся садом, а восходящее солнце раскрашивает пейзаж разнообразными оттенками зеленого.

По горной тропинке спускается человек, временами останавливаясь, чтобы полюбоваться окрестностями. Он идет небрежной дерганой походкой, играючи перепрыгивая с камня на камень. Несмотря на свои тридцать два года, поведением он напоминает мальчишку, убежавшего гулять в зеленые холмы. На

целый бесконечный день...

Человек одет в рабочие брюки защитного цвета, спортивную рубашку и замызганные теннисные туфли. Большие руки покрыты царапинами.

Временами он прерывает прогулку, хватая воображаемую бейсбольную биту и резко взмахивает перед собой с громким возгласом: «Бац!» Голуби, бросая любовные игры, разлетаются в разные стороны, человек улыбается и скачет по тропе дальше. Красная шея, кожа в веснушках, блекло-голубые, будто сонные, глаза, соломенные волосы торчат во все стороны. Лицо длинное, скуластое.

Заглядевшись на парящую в небе «Каталину» – маленький гидросамолетик, человек вдруг спотыкается и делает несколько гигантских скачков, чтобы удержать равновесие.

– Не говори «гоп!» – крикает он, благополучно приземлившись на ноги. – Что за денек!

* * *

Человек этот направлялся к Эль-Модене. Со всех сторон туда же стекались его друзья: по одному и по двое, пешком и на велосипедах, чтобы встретиться на разрытом перекрестке. Взяв кто кирку, кто лопату, люди попрыгали в ямы и принялись за работу. Грунт летел в бункеры, кирки звонко разбивали камни, громкими голосами друзья делились новостями прошедшей недели.

Им повезло: в раскопе оказалась целая улица. Это был большой перекресток: четырехрядные асфальтированные дороги, белый бетонный бордюр, большие стоянки для автомобилей с заправочными станциями по углам и торговым центром позади. Домов уже не было, большая часть асфальта отправлена в переработку на химзаводы в Лонг-Бич, и люди продолжали зарываться глубже.

Когда человек подошел к ямам, друзья приветствовали его:

– Привет, Кевин, гляди, что я нашла!

– Привет, Дорис! Похоже, светофор.

– Один такой мы уже откапывали раньше. – Кевин присел на корточки над исторической реалией, осматривая ее.

– Теперь у нас их два. Видать, установили новый, а этот бросили.

– Щедрый народ!

Из другой ямы заохала Габриэла:

– Нет! Только не это! Телефонные линии, силовые кабели, газопроводы, пластмассовые трубы, светофоры, а теперь еще цистерна от автозаправки!

– Смотрите, целая куча пустых пивных банок, – сказал Хэнк.

– По крайней мере, хоть что-то они делали правильно.

* * *

Не прекращая раскопок, друзья расспрашивали Кевина о прошедшем заседании городского Совета, первом для Кевина как нового члена в его составе.

– До сих пор не пойму, как ты дал себя уговорить, – сказала Габриэла. Она работала на строительстве вместе с Кевином и Хэнком. Молодая, резкая и необузданная, острая на язык Габриэла часто ставила Кевина в затруднительное положение.

– Мне сказали, что это будет интересно.

Все рассмеялись:

– Ему сказали!.. Человек бывал на сотнях заседаний Совета, но стоило Джин Аурелиано пообещать, что будет интересно, Кевин Клейборн ответил: «О да! Теперь я понял, там весело».

– А что, может, так и будет – с нынешней-то поры?

Все снова засмеялись. Кевин стоял, не выпуская из рук кирку, и смущенно улыбался.

– Не будет там ничего веселого, – сказала Дорис. Она тоже состояла в Совете от партии «зеленых» и выполняла обязанности наставника Кевина. Похоже, большого удовольствия ей это не доставляло. Они с Кевином жили в одном доме и были старыми знакомыми, так что Дорис прекрасно понимала, с кем связалась. Она повернулась к Габриэле:

– Джин выбрала Кевина, потому что ей в Совете нужна известная личность.

– Но это не объясняет, почему он согласился.

– Дерево, которое быстрее растет, скорее и срубят! – заметил Хэнк.

Габриэла усмехнулась:

– Ну ты как всегда... Думай, что говоришь, Хэнк.

* * *

Утро подходило к концу, воздух стал теплым. Они наткнулись уже на третий светофор, и Дорис нахмурилась:

– До чего же неэкономными были люди!

– Каждая культура расточительна ровно настолько, насколько может себе позволить, – отозвался Хэнк. – Это же гадко – бросать на землю фантики от жевательной резинки! А заодно светофоры, бетономешалки и...

– А что ты скажешь о шотландцах? – спросил Кевин. – Они всегда слыли очень экономными.

– Но они же были бедны, – пожал плечами Хэнк. – Они просто не могли позволить себе расточительности. Это только подтверждает мою точку зрения.

Дорис швырнула землю в бункер и возразила:

– Экономность – штука, которая не должна зависеть от жизненных обстоятельств.

– Видите, они могли побросать здесь эти вещи и спокойно удалиться, – сказал Кевин, постучав пальцем по светофору. – Какое свинство – вот так захоронить, вышвырнуть на свалку улицу вместе со всеми автомобилями.

Дорис потрянула своими короткими черными волосами:

– Ты ставишь все с ног на голову, Кевин, прямо как Хэнк. Ценности, или, говоря по-научному, человеческие мотивы, управляют действиями, а не наоборот. Будь это для них важным, они вытащили бы все дерьмо отсюда и использовали не хуже нас.

– Наверное, ты права.

– Все просто, как велосипед. Ценности – это движение педалей вниз, а действия – движение вверх. А именно движение вниз толкает нас вперед.

– Хорошо, – сказал Кевин, вытерев пот со лба, и на миг задумался. – Но если ты наденешь туклипсы, то сможешь двигаться вперед и за счет подъема педалей. По крайней мере, у меня это получается.

Габриэла быстро взглянула на Хэнка:

– За счет движения педалей вверх, Кевин? В самом деле?

– Да, с туклипсами. Разве они не дают толчок?

– Ты чертовски прав, Кевин. Поднимая ноги, я получу целый вагон энергии. И маленькую тележку в придачу.

– Да постой ты! – махнул рукой на Габриэлу Хэнк. – А как много энергии они дают?

– Ну, думаю, процентов двадцать или около того, – сказал Кевин.

Габриэла прервала их диким хохотом:

– Ха-ха-ха! И еще раз – ха! Мысль, достойная обсуждения в городском Совете! Нету моченьки! Жду не дождусь, когда увижу, как он ударится в дебаты с Альфредо! Идиотские туклипсы – вот за что он будет сражаться в Совете!

– А что, – упрямо твердил Кевин, – ты разве не получаешь энергии, когда тянешь педали вверх?

– На двадцать процентов? – спросил Хэнк заинтересованно. – И это все время так или только когда хочешь дать отдых основным мышцам ног?

Дорис с Габриэлой посмотрели друг на друга и охнули. Мужчины ударились в техническую дискуссию. Габриэла провоцировала:

– Кевин выступит на Совете и будет говорить с Альфредо о туклипах! Он скажет: «Слушай меня, Фредо, а не то я тебе кровь отравлю!»

* * *

Дорис хихикнула, а Кевин внезапно нахмурился. Габриэла напомнила случай, который произошел с Кевином в начальной школе, когда его вместе с другими учениками вызвали обсудить изречение «Перо сильнее меча». Кевин должен был начать диспут в защиту этого выражения. Он стоял перед классом, красный как рак, крутил руками, раскачивался из стороны в сторону, шлепал губами, отдувался то и дело, пока наконец не изрек, нерешительно моргая:

– Ну если, например, у вас есть перо... и вы кого-нибудь им ткнете, то можно чернилами кровь отравить!

Все так и попадали с мест. Мистер Фримен уткнулся головой в стол и, зайдясь в беспомощном хохоте, утирал слезы.

Того случая не забыл никто. Иногда Кевину казалось, что все его знакомые были в тот день с ним в классе, даже люди вроде Хэнка, который лет на десять старше его, или Габриэлы, которая на десять лет моложе. Абсолютно все!

* * *

Они копали глубже, натываясь на скатанные валуны из песчаника. На протяжении тысячелетий русло реки Сантьяго-Крик благодаря аллювиальным отложениям перемещалось вдоль гор Санта-Ана, и складывалось впечатление, что когда-то вся Эль-Модена была ложем этой реки, потому что валуны встречались повсюду. Продвигались они слишком медленно; работа велась «на благо города» и считалась скорее развлечением, а потому обвинений в нерадивости не возникало. В Эль-Модене требовали отработать для города десять часов в неделю, и возможностей для таких обвинений было сколько угодно. Они старались не принимать сердитые замечания близко к сердцу.

– А где Рамона? – спросил Кевин. Дорис взглянула на него снизу вверх:

– Как, ты разве не знаешь?

– Нет, а что?

– Они с Альфредо разошлись.

Это привлекло внимание всех. Некоторые побросали лопаты и подошли к Дорис, чтобы услышать историю.

– Он съехал из дома, забрав вещички, и отправился в Редхилл. С партнерами.

– Да ну, врешь!

– Нет. Я точно знаю, в последнее время они ругались больше, чем раньше. Так все в их доме говорят. Во всяком случае, Рамона сегодня утром ушла гулять.

– А игра как же? – спросил Кевин. Дорис воткнула лопату в дюйм от его ноги:

– Кевин, а тебе не кажется, что есть вещи поважнее софтбола?

– Ну конечно, – пробормотал он, мучительно вдумываясь в ее слова.

– Рамона сказала, что к началу игры вернется.

– Это хорошо, – проговорил Кевин, а потом увидел выражение лица Дорис и быстро добавил: – То есть плохо. Действительно, очень плохо. Вот так номер!

Он задумался о Рамоне Санчес. Первый раз за все время с девятого класса.

Дорис обожгла его взглядом и отвернулась. Коротковатые загорелые ноги, все в пыли ниже зеленых нейлоновых шорт; выгоревшая рубашка без рукавов была потной и грязной. Прямые черные волосы мотались из стороны в сторону, когда она яростно атаковала землю.

– Ну-ка, давай помоги мне с этим булыжником, – резко попросила она Кевина, все еще стоя к нему спиной. Кевин нерешительно подошел и помог сдвинуть очередной валун.

* * *

– Надо же, никак новый Совет за работой! – раздался сверху довольный баритон.

Кевин и Дорис выглянули из ямы и увидели Альфредо Блэра собственной персоной на горном велосипеде. Титановая рама ярко блестела на солнце.

– Легок на помине, – не подумав, ляпнул Кевин.

– Надо же, – сказала Дорис, бросив быстрый предупреждающий взгляд на Кевина, – никак новый мэр на прогулке!

Альфредо хитро усмехнулся – крупный брюнет, красивый и усатый, с четкими, правильными чертами лица.

Трудно представить себе, что всего день назад он прекратил пятнадцатилетние семейные отношения.

– Удачи вам в сегодняшней игре, – сказал Альфредо тоном, подразумевавшим, что их «Лобосу» нужно везение, хотя играют они всего лишь со слабенькими «Апельсинами». «Авангард», команда Альфредо, и «Лобос» были вечными соперниками. Рамона играла за «Лобос», что служило причиной нескончаемых подначек. Но с сегодняшнего дня Кевин уже не был уверен, что повод для шуток сохранится.

Альфредо продолжал:

– Не дождусь, когда с вами сыграем.

– Нам копать надо, Альфредо, – сказала Дорис.

– Что ж, не стану мешать общественно полезному труду. Работа для города всем идет на пользу. – Он улыбнулся и оседлал велосипед. – Увидимся на заседании! – бросил Альфредо через плечо, уезжая.

– Надеюсь, когда придется играть, мы разобьем их в пух, – сказал Кевин, вновь взявшись за лопату.

– Надейся-надейся. Да сам не плошай!

Кевин и Альфредо выросли на одной улице, несколько лет учились в одном и том же классе, включая время, когда произошел забавный эпизод с пером и мечом. Так что они были старыми знакомыми и у Кевина имелось много возможностей понаблюдать, как Альфредо работает. Кевин хорошо знал, что его одноклассник – очень уважаемая личность, остроумный, открытый человек, энергичный и удачливый. Каждый мог запросто прийти к нему, и каждому он был рад.

Слишком хороший нынче стоял день, чтобы мысли об Альфредо могли омрачить его.

Кроме того, Альфредо и Рамона разошлись. Неосознанно радуясь этому, Кевин швырнул булыжник в бункер.

Ко времени перерыва на завтрак ямы были уже глубиной почти в рост человека. Теперь раскопки представляли собой поле с хаотично расположенными кратерами, все изрезанное траншеями и следами колес, с тачками и бункерами тут и там.

Кевин прищурил глаза и усмехнулся:

– Ох и зададим мы им трепку на площадке!

* * *

После завтрака состоялось открытие весеннего сезона софтбола. Игроки со всех сторон съезжались на велосипедах в парк Сантьяго с битами поверх рулей. И началось коллективное, освященное годами действо. Поскольку сам софтбол – ритуал, то и подготовка к нему была ритуалом. Ноги игроки прикрыли жесткими щитками, на руки натянули перчатки. Спортсмены выходили на зеленое травяное поле группками по двое-трое и начинали разыгрываться. Большие мячи мелькали тут и там, рисуя в воздухе туманное белое кружево.

Соперники уже двинулись к штрафной линии, когда к площадке подъехала Рамона Санчес и слезла с велосипеда. Длинные ноги, широкие плечи, яркая испанская внешность, черные волосы... Команда «Лобос» радостно приветствовала ее. Рамона, улыбнувшись, сказала:

– Привет, ребята! – в почти привычной для нее манере. Но что-то в ней изменилось – это заметили все.

Рамона из тех людей, которые всегда широко улыбаются и приветливо разговаривают. Дорис находила это раздражающим.

– Рамона – биологический оптимист, – проворчала как-то она. – Оптимизм сильнее ее, он просто у нее в крови. Оптимистическая химия организма.

– Секундочку! – возразил Хэнк. – Ты ведь из тех, кто всегда говорит о ценностях, – а не должен ли оптимизм быть результатом волевого акта? Я по поводу этого твоего «химизма крови».

Дорис ответила, что оптимизм действительно результат напряжения воли, но приятная внешность, умственные способности и хорошие физические данные – качества биологические, и они, без всякого сомнения, очень помогают тем, кому достались, эту самую волю не особо напрягать.

Во всяком случае, вид у Рамоны сейчас был весьма странным – вид несчастного оптимиста. Даже Кевин, начав играть с Рамоной в мяч с полным намерением вести себя как всегда и избавить ее таким образом от дурацкого сочувствия, приуныл, заметив, насколько подавленной она выглядит. Он понял: глупо делать вид – мол, все прекрасно, – когда Рамона не обращает на это притворство ни малейшего внимания. И Кевин просто продолжал разминку, бросая ей мяч и ловя его.

Судя по силе бросков, она уже достаточно разогрелась. Рамона Санчес имела хорошую руку и пушечный удар. Однажды Кевину довелось увидеть, как ее мяч начисто выбил спицу из колеса стоящего велосипеда, а колесо даже шелохнуться не успело. Своими ударами она регулярно рвала кожаные завязки на перчатках игроков первой базы, а пару раз даже ломала им пальцы. Кевину пришлось быть предельно внимательным, чтобы избежать подобной участи, так как мяч преодолевал пространство между ними почти мгновенно.

Действительно, настоящая пушка. Да еще и не в духе. Они продолжали перебрасываться в тишине, прерываемой только чмоканьем мяча о перчатку. Кевин чувствовал в этом своеобразное выражение солидарности. Или он только надеялся на это, так как говорить-то было нечего.

Объявили начало игры. Кевин подошел и встал рядом с Рамоной, натягивавшей свои щитки. Она делала это с такой яростью и силой, что было неестественным притворяться, что ничего не замечаешь, и Кевин пробормотал нерешительно:

– Я слышал о тебе и Альфредо.

– Угу, – буркнула она, несколько не удивившись.

– Сочувствую.

Внезапно уголки ее рта поползли вниз, она скорчила страдальческую гримасу. «Вот какой несчастной я буду, если дам волю чувствам», – показывала Рамона

своим видом. Затем к ней снова вернулся стоический облик, она пожала плечами, встала и прогнулась, разминая ноги. Ее бедра напряглись, под гладкой загорелой кожей четко проступили мускулы.

Рамона и Кевин вернулись к скамейке, где сидели, помахивая битами, их товарищи по команде. Капитаны сдали секретарю судейской коллегии карточки игроков, и действие начало разворачиваться по привычному сценарию: команды заняли площадку – игроки первой базы давали накаты полевым игрокам, подающие делали прикидочные удары, те, кто стоял за площадкой, отбивали летящие «в аут» мячи – в общем, все, не связанное с ритуалом, отошло на задний план. Кевин, первый отбивающий в этом сезоне, выбежал на площадку, готовый к бою. Игроки выкрикивали и ему, и подающему что-то подбадривающее, даже соперники орали: «Бей!»

Подающий размахнулся, первый мяч сезона взмыл в воздух, и сразу же крики «Лупи!», «Начинай!», «Давай!» стали затихать и растворились в пространстве. Белый блестящий новенький мяч превратился на время в центр Вселенной, ее фокус. Кевин поднял биту, игра началась.

* * *

Игра для Кевина складывалась нелегко. «Лобос» вел в счете, но совсем чуть-чуть. Кевин сделал «четыре – четыре»; вот уж действительно повод для радости...

В поле Кевин занял место у третьей базы, чтобы наблюдать за каждым ударом. «Третья база – лезвие бритвы, на третьей базе ты – как мангуста среди змей»; эти слова звучали в его голове с самого детства. Сейчас они казались насмешкой. Временами появлялась возможность ударить, но в основном надо было держать позицию и наблюдать. Одни и те же фразы повторялись снова и снова: «Аут! Мяч налево! Подача!» Игра – словно какой-то религиозный обряд. Или наоборот?..

Кевин ослабил внимание, поддавшись усыпляющему ритму заурядной, серой игры, но внезапно события стали стремительно разворачиваться. «Апельсины» выиграли подряд четыре подачи. После двух аутов вышел подавать Сантос Перес. У Сантоса мощный удар, это известно, и, когда Донна приготовилась отбивать, Кевин, предельно собравшись, занял привычную позицию у своего

насиженного гнезда. Сантос послал мяч низко над землей слева от Кевина, тот прыгнул «рыбкой», но мяч просвистел в дюйме от его растопыренной руки в перчатке. Кевин с проклятиями рухнул на площадку, распахав землю брюхом и локтями, перевернулся и успел заметить, как Рамона на бегу делает резкий рывок в сторону летящего мяча.

«Прием снаряда сзади в прыжке» – вещь совершенно чудовищная, но Рамона, едва не потеряв равновесие, ухитрилась-таки схватить мяч и теперь что было сил убегала подальше от первой базы. Остановиться и подготовиться к броску она не успевала. Пружиной взмыв в воздух и развернувшись в полете, чтобы как следует замахнуться, она резко послала мяч через площадку. Джоди аккуратно поймал его у самой первой базы, прямо перед носом бегущего Сантоса. Третий аут. Игра окончена!

– А-а-а!!! – заорал Кевин, встав на колени и потрясая воздетыми к небу руками. – Игра!

Публика шумела в восторге. Кевин оглянулся на Рамону. После броска она свалилась на землю, а теперь сидела на траве у самого края площадки, рослая, красивая, скосолапив неуклюже расставленные ноги, и улыбалась. Черные волосы свесились ей на глаза. И Кевин вдруг понял, что любит ее.

* * *

Конечно, чувство Кевина имело свою историю. Простой, открытый парень, помешанный на софтболе, Кевин все же не принадлежал к числу тех, кто способен влюбиться с первого взгляда только из-за хорошей игры. Нет, все было несколько сложнее. Его любовь росла многие годы.

Кевин познакомился с Рамоной, когда только приехал в Эль-Модену, еще третьеклассником. Они несколько лет учились в одном классе, и знаменитый диспут о пере и мече проходил на ее глазах. Рамона всегда нравилась Кевину. Как-то в шестом классе Рамона сообщила, что она римская католичка, а он в ответ сказал, что бывают еще и греко-католики. Рамона наотрез отказывалась верить. Пришлось залезть в энциклопедию. Поначалу найти статью о греческих католиках не удалось, и Кевин был очень удивлен. Ведь дедушка Том рассказывал ему о такой церкви. Но, одержав в споре победу, Рамона вдруг испытала к Кевину сочувствие и, еще раз пролистав оглавление, нашла статью о

греческой православной церкви. Они уселись перед экраном и прочитали статью, а затем стали смотреть другие и разговаривать о Греции и о местах, где они сами бывали. Рамона ездила в Мексику, а Кевин путешествовал не где-нибудь, а по Долине Смерти! А еще они придумали – вот бы купить греческий остров и жить на нем... В общем, болтали всяческую чепуху, как бывает у детей в самом начале дружеских отношений.

После этого Кевин очень увлекся Рамоной, но никому в этом не открывался – и ей, конечно, тоже. Мальчиком он был робок и застенчив, вот в чем крылся секрет. Однако чувство не проходило и в средней школе, когда настала пора иметь романтического друга, и жизнь превратилась в головокружительный вихрь симпатий и связей, и каждый был захвачен этим вихрем.

Быстро пролетели три года, и на вечере выпускников, главном школьном празднике, пунцовый Кевин, с трудом пересилив себя, решился пригласить Рамону на танец. Когда, подойдя к девушке, заикаясь от волнения, Кевин все же выговорил: «Разрешите вас... кх-м... того...» – Рамона дала ему понять, что это блестящая идея, но сказала, что уже «приняла ангажемент» от Альфредо Блэра.

Вот и вся сказка... Бурные школьные романы чаще всего быстро кончаются, но Рамона и Альфредо уже не расставались – с того школьного вечера и по сей день.

Позже, уже работая преподавателем биологии в городской школе Эль-Модены, Рамона завела обычай выводить своих учеников на стройплощадку к Кевину, чтобы познакомить их с некоторыми прикладными аспектами экологии. Ребята пытались помогать Кевину и плотничать, и строить. Ему нравились такие визиты. Хотя пользы от них было немного, Кевин мог хоть изредка видеться с Рамоной.

И все-таки Рамона была с Альфредо. Официально в браке они не состояли, но жили вместе. И Кевин привык думать о ней только как о друге. О добром друге, таком, например, как его сестра Джил. Нет, все же не как сестра – его всегда физически влекло к Рамоне. И, как ему казалось, взаимно. Это не имело большого значения, но придавало их дружбе какой-то трепет, скрытую возможность, которой, видимо, никогда не суждено было реализоваться. Короче, оч-чень романтично...

Так продолжалось годы и годы. А сегодня, во время разминки перед игрой, он осознал вдруг, что смотрит на Рамону совсем иными глазами – видит совершенные пропорции ее спины и ног, плеч и таза, видит яркие испанские краски, видит прекрасные черты лица, которые делали ее одной из первых девушек в городе, любитесь изяществом сильного броска, восхищается ее природной беззастенчивостью. Из глубин памяти Кевина всплыли воспоминания о чувстве, которое он считал давно ушедшим, так как никогда особо не задумывался о своем прошлом. А прошлое зашевелилось в нем, готовое выпрыгнуть наружу и перевернуть всю жизнь вверх тормашками.

* * *

Итак, когда Кевин обернулся, чтобы взглянуть на Рамону после блистательной игры, она отдыхала, сидя на траве. Длинные загорелые ноги были широко расставлены, и Кевин невольно выпучился на промежность зеленых спортивных шорт, на белую полосу подкладки, прилегающую к внутренней части бедер. Выпрямленной рукой Рамона опиралась на землю; тенниска облегла ее небольшую грудь. Рамона откинула на сторону волосы, спадавшие на черные глаза, и улыбнулась – впервые за сегодняшний день. Кевин будто погрузился в сон, где все чувства усилены. Воздух с шумом выходил из его легких. Глухо стучало сердце. Лицо пылало. Да, это была любовь, вне всякого сомнения.

* * *

Чувствовать для Кевина значило действовать, и, пока все упаковывали свой инвентарь и переобувались, он искал глазами Рамону. Приняв поздравления с блестящей концовкой игры, она вновь стала молчаливой и теперь собиралась уезжать. Одна.

Кевин нагнал ее на своем маленьком горном велосипеде и, когда они поравнялись, спросил:

– Будешь вечером на заседании Совета?

– Думаю, нет.

Она не желает видеть, как Альфредо дает присягу мэра. Вот, значит, насколько все это серьезно...

– Ага... – только и сказал он.

– Знаешь, я не хочу, чтобы люди решили, что мы опять вместе. Еще фотографировать будут. Неловко до чертиков.

– Понимаю. Тогда... что ты делаешь сегодня днем? – Рамона медлила с ответом.

– Вообще-то полетать собиралась. Развеемся.

– А...

Она взглянула на него.

– Хочешь составить мне компанию?

Сердце Кевина подпрыгнуло до самого горла. Первым желанием было заорать: «Конечно!» Однако, пересилив себя, Кевин сказал:

– Ну если ты действительно не против моей компании... Я, например, больше люблю летать в одиночестве.

– Нет, что ты... Может, будет легче.

– Обычно становится, – машинально отозвался Кевин, совершенно не замечая, как эти слова не вяжутся со сказанным раньше. Зато отчетливо ощутил, как работают его фабрики сперматозоидов.

– Слушай, а здорово ты их сегодня сделала!

* * *

В планерном порту Фэрхевен они отвязали двухместный аппарат Рамоны «Кондор» и прицепили его к стартовому тросу. Пристегнулись и вдели ноги в педали. Рамона отпустила тормоз, аппарат рванулся вперед, и оба – Рамона и Кевин – завертели педали как бешеные. Резиновый трос выстрелил самолетик, словно камешек из рогатки. Он поймал струю и взмыл вверх, словно бумажный змей, запущенный против ветра опытной рукой.

– Хоп! – радостно крикнул Кевин. Рамона скомандовала:

– Не «хоп», а крути педали!

Оба поднажали, откинувшись на спинки кресел, раскручивая жужжащий впереди здоровенный пропеллер и посылая самолетик все выше с каждым толчком. Двухместная машина не так эффективна, как одноместная; дополнительная мускульная сила не компенсирует избыточного веса, и пришлось вкалывать изо всех сил, пока планер не поднялся на две сотни футов, где его стремительно подхватил дневной бриз. Двухместник весил менее тридцати фунтов, и порывы ветра швыряли машину, словно бадминтонный волан.

Рамона парила в свежем бризе, словно чайка. О, это чувство, чувство полета! Они сбавили темп, настроившись на длинную дистанцию, чтобы облететь округ Ориндж по периметру. Нелегкая работа! Вот оно, одно из самых странных достижений современности, когда высочайшие технологии производят изделия, требующие более интенсивной физической работы, чем когда-либо ранее. Полет с помощью мускульной силы заставлял полностью выкладываться даже самых выносливых атлетов. Но раз уж это стало возможным, кто устоит против такого?

Не устояла и Рамона Санчес: она крутила педали, улыбаясь от радости. Рамона летала очень много. Часто, работая на крыше, увлеченный делом, представляя себе дом – каким он будет, и людей, которые станут в нем жить, Кевин слышал голос сверху и, посмотрев в небо, видел там Рамону на маленькой «Стрекозе». «Стрекоза» стрекотала, как ей и было положено, а Рамона махала ему с небес – вспотевший эльф.

– Полетели в Ньюпорт, на волны посмотрим, – предложила Рамона.

Они взмыли вверх и окунулись в ветер с моря, словно тезка их аппарата, настоящий кондор. Время от времени Кевин посматривал на ноги Рамоны, работавшей в тандеме с ним. Ноги у нее были длинные, мышцы больше, чем у него, и сильнее выраженные – по два упругих мускула сверху, плавно сходящиеся вместе у колена. От этого бедра выглядели почти квадратными, что зрительно уравнивалось округлыми очертаниями ног внизу. Мышцы ее икр словно сошли со страниц пособия по шейпингу; кожа была гладкой и слегка покрытой тонкими шелковистыми волосками...

Кевин встряхнул головой, пораженный сказочной силой своего воображения, тем, как он рассматривает Рамону. Он взглянул на землю, на ньюпортскую трассу, как всегда, с оживленным движением. Сверху велосипедные дорожки выглядели пестрым скоплением шлемов, спин и работающих ног над паутиной линий из металла и резины. Автомобильные направляющие дорожки блестели, как серебряные ленты, впечатанные в бетон, и машины проносились вдоль них вдаль. Синяя крыша, красная крыша, снова синяя...

Когда планер закладывал вираж, Кевин замечал здания, над которыми он когда-то работал: дом, отражающий солнечные лучи куполами из дымчатого стекла и термобетона, гараж, переоборудованный в коттедж, склады, офисы, колокольню, домик на пруду... Его работа укрывалась тут и там среди деревьев. Было приятно видеть ее, выделять среди других, припоминать проблемы, которые встречались и разрешались здесь – одни лучше, другие хуже.

Рамона улыбнулась:

– А что, должно быть, здорово, когда видишь плоды своего труда?

– Угу! – сказал он, внезапно смутившись. И заволновался.

Рамона посмотрела на него. Ветрозащитные полосы из высоких эвкалиптов разрезали землю на гигантские прямоугольники, как будто вся долина была пестрым лоскутным одеялом из домов, фруктовых садов, желтых и зеленых полей. Встречный ветер наполнял легкие Кевина, радостно было окидывать единым взором так много земли и замечать так много знакомого на ней. Береговой бриз задул сильнее и понес их самолетик в сторону Ирвинских холмов. Развязка дорог на Сан-Диего и Ньюпорт выглядела гигантским бетонным кренделем, и всюду, там и сям, – вода, сверкающая на солнце, будто кто-то

разбросал по земле осколки зеркала. Речки, рыбообразные пруды, водохранилища, заболоченная Верхне-Ньюпортская бухта. Отлив обнажил серое дно, окаймленное зарослями камыша и группками деревьев. Даже здесь, на высоте, чувствовался солоноватый запах отмерших водорослей. Тысячи длинношеих водоплавающих птиц пестрым ковром покрывали поверхность залива.

– Перелет, – задумчиво проговорила Рамона. – Время перемен.

– На север направляются.

– Облака идут сюда быстрее, чем я думала. – Она показала рукой в сторону побережья. Полуденный ветер с моря принес низкие океанские тучи, как это частенько случается весной. Для растений это, может, и полезно, но летать в тучах – удовольствие ниже среднего.

– Вот и ладно, мне не повредит пораньше вернуться – на заседание Совета нехорошо опаздывать.

Рамона тронула рычаги управления, и они сделали широкий разворот над Ирвинскими холмами. Зеркальные стеклянные коробки промышленных зданий отражали солнце; детские кубики – зеленые, голубые и золотистые.

Кевин взглянул на Рамону и заметил, что та часто моргает. Плачет? Ах да, ведь он напомнил ей про заседание Совета. Вот черт! А им было так хорошо! Идиот. Непроизвольно Кевин коснулся ее руки, лежавшей на рычаге.

– Извини, – сказал он. – Я забыл.

– А, – сказала она неровным голосом. – Понимаю.

– Тогда... – Кевин хотел спросить, что же произошло. Она скорчила гримасу, пытаясь придать лицу комичное выражение.

– Это все довольно неприятно.

– Могу себе представить. Вы так долго были вместе.

– Пятнадцать лет, – сказала она. – Почти половина моей жизни. – Она в сердцах хлопнула по рычагу, и «Кондор» завалился влево. Кевин клюнул носом в стекло.

– Может, слишком долго, – продолжала она. – Я имею в виду, слишком долго ничего не происходило. Ни у меня, ни у него никого не было раньше, до того как мы сошлись.

Кевин чуть было не напомнил ей эпизод с энциклопедией в шестом классе, но решил не делать этого – наверное, не совсем подходящий пример прошлой связи.

– Ох уж эти школьные романы! – воскликнула Рамона. – Все говорят, что ничего хорошего из них не выходит. Вот так живешь с человеком и не знаешь – а может, кто-то другой был бы лучшим партнером. И вдруг один из нас начинает этим интересоваться. – Она хлопнула кулаком по приборной доске, заставив планер подпрыгнуть, а Кевина – вмяться в кресло.

– Угу, – кивнул он. Было ясно, что она очень рассержена. Это хорошо, что Рамона дала волю чувствам, рассказывая все Кевину. Вот если бы она еще не колотила по приборам!

К тому же Кевин крутил ногами почти вхолостую; сопротивление не ощущалось. Оба они приводили в движение одну общую цепь, как на тандеме, но Рамона так яростно вертела педали, что этого было более чем достаточно для двоих. И всякий раз, когда Рамона ударами по приборной панели выражала свои чувства, аппарат вздрагивал и валился на крыло. Кевин не подавал виду, решив не прерывать излияние эмоций прозаически-приземленными словами тревоги.

– Я имею в виду, что делать-то этот человек ничего такого не делает, просто интересуется! – продолжала она, снова рубанув рукой. – Ведь Альфредо тоже интересуется... Он много чем интересуется. Я для него не весь свет в окошке, и полагаю...

– Что?

– Понимаешь, есть только немного вещей, которые волнуют меня по-настоящему. А Альфредо такой, что ему все интересно. – Бац! Прямо по щитку. –

Ты даже не поверишь, как много у него интересов! – Бац! – И он всегда просто чертовски занят! – Бац! Бац! Бац!

– Но и ты вроде бы занята на все сто, – сказал Кевин, наблюдая за руками Рамоны и вздрагивая – ведь после каждого удара их аппарат валился вниз, даже несмотря на ее бешеную работу педалями.

– Альфредо давно стал бы миллионером, если б те еще водились. У него есть все, что для этого требуется.

– Но для этого нужно много времени, так ведь?

– Для этого нужна вся жизнь!

Кевин поднажал на педали, но они свободно крутились, словно слетела цепь.

– Это по крайней мере было бы чем-то ощутимым. А мы с ним никуда не стремились. Школьный роман в тридцать два года!.. Мне все равно – замужем я или просто так, но мои родители и дед с бабкой – католики, и родители Альфредо тоже. Ты же знаешь, как у католиков с этим. Кроме того, я хотела иметь семью. Знаешь, я каждый день возилась с детьми в нашем доме и все время думала, а почему одному из них не быть нашим. – Бац! – Но Альфредо не до того, нет. Времени у меня нету, говорил он, я пока не готов. А к тому времени, когда он созреет, станет уже поздно для меня. – Бац! Бац! Бац!

– Ик! – произнес Кевин, опасливо поглядывая на близкие верхушки деревьев. – Но... ведь чтобы завести ребенка, не так уж много времени нужно. В другом доме, я хочу сказать...

– Тебе удивительно!.. Было множество людей, готовых помочь, но с ними всегда приходилось порывать. А он... Мы об этом столько лет с ним говорили. Но ничего так и не менялось, черт возьми! Я стала совсем ворчливой, а Альфредо все больше времени проводил где-то на стороне... – Говоря последние слова, Рамона быстро-быстро заморгала, голос начал дрожать.

– Петля обратной связи, – пробубнил Кевин, анализируя то, что она сообщила. Человеческие отношения построены по принципу обратной связи, как и все в

экологии – так сказал бы Хэнк. Постоянное движение только в одном направлении (или только в другом) быстро выходит из-под контроля, и система сваливается в штопор. Чертовски трудно выйти из такого состояния, если вы в него попали. Люди постоянно погибают в катастрофах, вызванных штопором. Да, штопор из-за отсутствия правильной обратной связи... Кевин попытался припомнить те немногие летные уроки, которые он получил. Его попытки научиться летать закончились в основном зубрежкой теории.

«Но всякая медаль имеет две стороны, – размышлял Кевин (а тем временем его ноги начали ощущать некоторое сопротивление со стороны пропеллера). – С одной стороны – штопор, разрушение, гибель; но с другой стороны – спираль, которая вздымается ввысь; и дух, впитывающий все себе на пользу, совершает великие витки самосозидания...»

– Очень плохая обратная связь, – бесчувственно отозвалась Рамона.

Они поднажали на педали. Кевин работал изо всех сил, не сводя глаз с рычагов управления и неистового правого кулака Рамоны. Он считал историю Рамоны в каком-то отношении удивительной. Не мог он понять Альфредо. Иметь возможность любить прекрасную женщину, которая сидит сейчас рядом с ним, наблюдать, как развивается в ней ребенок, их ребенок... Кевин почти задохнулся от такой мысли, внезапно испугавшись ощущения собственного тела, почувствовав шевеление между ног...

Он отогнал прочь грешные мысли и глянул вниз. Земля была совсем близко.

– Так, – проговорил Кевин, уже смирившись с неизбежной аварией. – Ну и на чем ты остановилась?

– Я действительно разозлилась и, видимо, стала это все излишне выпячивать; ведь ни о чем другом я и думать не могла. Ну и Альфредо, он тоже на меня очень рассердился, и...

Она заплакала.

– Эх, Рамона... – сказал Кевин.

Вот что значит выбрать не тот галс. Прямой путь – не всегда самый лучший. Он сейчас работал за двоих – похоже, Рамона вообще прекратила крутить педали. Да, не вовремя он ее растревожил. Кевин стиснул зубы и вытянул шею, как лошадь на аркане, жмя из последних сил, но планер продолжал резко снижаться, заваливаясь на бок. До чего тугие педали!.. «Кондор» падал прямо на холм возле Тастина. Рамона сидела, сморщив лицо и накрепко зажмурилась, будто хотела, чтобы из них не упало ни слезинки. Она была слишком расстроена, чтобы хоть что-то замечать. Кевин понял, что их дела плохи. Аварии со смертельным исходом в таких случаях совсем не редкость.

– Извини, – выпалил он запыхавшимся голосом и слегка похлопал Рамону по плечу. – Может быть... М-м-м...

– Все в порядке, – сказала она, утерев слезы. – Иногда ничего не могу с собой поделать.

– Угу.

Она подняла глаза:

– Черт! Мы же сейчас врежемся в Редхилл!

– М-м-м, да.

– Что ж ты молчал?

– Ну...

– Ах, Кевин! – Она улыбнулась, шмыгнула носом и, дотянувшись до него, чмокнула в щеку. Потом присоединилась к усилиям Кевина, и они повернули к дому.

Сердце Кевина просто переполнялось – не только радостью, что они спаслись от аварии, но и любовью к Рамоне. Ужасно обидно – она так страдает; однако совсем не хотелось, чтобы Рамона и Альфредо сошлись снова. Совершенно не хотелось.

Кевин произнес, тщательно подбирая слова:

– Может, и к лучшему, что это произошло сейчас и сразу. А то бы тянулось, тянулось...

Рамона коротко кивнула. Они повернули в направлении маленького планерного порта Эль-Модены. Прямо перед ними на летное поле плюхнулась «Стрекоза», тяжело, как пчела в холодную погоду. Опытной рукой Рамона направила машину. Дневное солнце осветило верхушки деревьев; тень аппарата бежала по взлетной полосе. Они снизились до высоты, где вся равнина казалась сплошными верхушками деревьев – улицы и шоссе спрятались в тени, большинства зданий тоже не было видно.

– Я часто летаю на такой высоте, – сказала Рамона, – чтобы полюбоваться картиной.

– Красота... – Ее легкая улыбка, деревья кругом... Кевин почувствовал, как океанский бриз врывается прямо ему в грудь. До чего здорово сознавать, что Рамона Санчес свободна. И сидит сейчас рядом с ним.

Кевин боялся даже взгляд бросить в сторону Рамоны. Вернее сказать, он биологии своей боялся. Или, как говорила Дорис, «кровяного химизма»...

Изящно скользнув на посадочную полосу, они легко подрулили к стоянке. Отстегнулись, нетвердо ступили на землю, разминая уставшие ноги, и потянули планер с полосы к ангару.

– Эх! – сказала Рамона. – *Estoy cansada*. Окончен бал, погасли свечи.

Кевин кивнул:

– Отлично полетали, Рамона.

– Ты не шутишь? – Когда они затащили планер в темный ангар, Рамона быстро обняла Кевина и проговорила: – Хороший ты друг, Кевин!

Возможно, это звучало как предупреждение, но Кевин его не услышал. Он старался сохранить ее прикосновение.

– Хотелось бы, чтоб так оно и было, – тихо сказал он, чувствуя, как дрожит его голос. Он сомневался, что говорит вслух. – Хотелось бы...

* * *

Городской Совет Эль-Модены помещался в старейшем здании округа, в церкви на Чапмен-авеню. На протяжении многих лет строение это отражало своим обликом и состоянием все повороты судьбы города – ведь у городов, как у людей, есть свои взлеты и падения. Церковь воздвигли квакеры в 1886 году, вскоре после того, как поселились на этой территории и начали выращивать здесь изюмный виноград. Один из них пожертвовал городу большой колокол, который повесили на башне в передней части здания церкви. Вес колокола оказался слишком велик, и первый же крепкий порыв Санта-Аны развалил все строение. Столь же стремительно болезнь винограда в один момент разрушила всю экономику, и город фактически был покинут. Но жители сменили посадочную культуру, возродили виноградники, а потом восстановили и церковь. Это было первым шагом на долгом пути возрождения города – от полного запустения (церковь закрыта) к захолустному городишке (в церкви – ресторан) и, наконец, к воссозданию Эль-Модены как города со своей собственной судьбой, когда городской Совет выкупил ресторан и переоборудовал его в тесноватую и немного таинственную ратушу, главный зал которой использовался под разные партийные нужды – конечно, не бесплатно. Вот так в конце концов здание стало общественным центром, к чему стремились его первостроители еще две сотни лет тому назад.

Сейчас белые стены внутреннего двора церкви были украшены цветными лентами, а на трех больших ивах, росших посреди, висели японские бумажные фонарики. Вокруг прогуливались люди Мак-Элроя Мариани, наигрывая свои заунывные, но приятные мелодии, а длинный стол был уставлен бутылками отвратительного шампанского от Эла Шредера.

Кевин подкатил к велосипедной стоянке. Он волновался, как перед экзаменом. Конечно, по делам службы Кевин бесчисленное число раз бывал на заседаниях, но войти в эти стены в качестве члена Совета – дело совсем другое. И какого черта он дал уговорить себя? Кевин состоял в партии «зеленых», всегда в ней состоял.

«Ремонтируем обветшавшее общежитие человечества!» А в этом году «зеленым» понадобилось заполнить одно из двух положенных партии мест в Совете. Но большинство известных членов партии или были заняты, или уже состояли в Совете раньше, или что-то еще им мешало. Неожиданно – Кевин даже понятия не имел, кто это решил, – его стали уговаривать войти в Совет. Он всем известен, всеми любим, говорили ему, сделал множество заметной работы на благо общества. «Еще бы не заметной, – сказал он, – ведь я дома строю».

В конце концов его уломали. «Зеленые» члены Совета принимают все важные решения как решения партии, так что большого опыта и знаний тут не надо. А если встретятся вдруг вещи, которых он не знает, ничего, освоит по ходу дела. Все совсем несложно. Это каждый может. А если нужно, ему помогут. И вообще, ему понравится! Будет интересно. Весело...

Но, как оказалось, больше всего помощь была нужна Кевину прямо за столом заседаний, когда дать ему нужный совет никто уже не мог. Кевин пригладил рукой волосы. Это на него похоже: впервые задумался обо всем только теперь. Но поздно – дело сделано.

Подъехала Дорис вместе с какой-то женщиной постарше.

– Кевин, это Надежда Катаева, моя подруга из Москвы. Она была моим шефом, когда я работала по обмену у них в институте сверхпроводников, а теперь Надежда с визитом приехала сюда. Остановилась у меня.

Кевин пожал женщине руку, и они втроем присоединились к толпе. Большинство собравшихся здесь были его друзьями или знакомыми. Как всегда, над ним подшучивали. Никто не принимал этот вечер всерьез. Кевину передали стаканчик шампанского, подошли друзья из «Лобоса» поднять тост за конец сегодняшней игры на зеленом травяном поле и за начало новой – на поле из зеленого сукна – «для некоторых (не будем указывать пальцем) членов команды, склонных к философии». Подняв несколько стаканчиков по разным поводам, Кевин обнаружил, что стал относиться к происходящему намного легче.

Тем временем на дворе возник Альфредо Блэр в кругу друзей, родных и партнеров. Мак-Элрой затрубили вступительные такты гимна «Слава шефу!», Альфредо заулыбался. Судя по всему, он был в прекрасном настроении. Как-то непривычно видеть его здесь без Рамоны, которая до сих пор была словно

вторым полюсом магнита – явной, но неотделимой противоположностью. Внезапно Кевину вспомнились ее длинные ноги, вращавшие педали, ее широкое выразительное заплаканное лицо, полное злости и обиды, кулак, бьющий по сверхлегкому-сверхпрочному материалу рамы планера...

Тем временем вечер набирал обороты. Становилось все шумнее.

– Смотрите, ненормальный какой-то пришел, – заметила Дорис, показывая на незнакомца. Здоровенный мужчина в уродливом черном костюме неуклюже пробирался от компании к компании и прерывал один разговор за другим. Он говорил что-то, люди смотрели на него со смущением или обидой; тут он отходил и вклинивался в другую беседу. Волосы человека развевались, шампанское выплескивалось из стакана.

Загадка раскрылась, когда Альфредо представил незнакомца.

– Эй, Оскар! Ну-ка, иди сюда. Люди, это наш новый городской прокурор, Оскар Балдарамма. Вы, может быть, смотрели интервью с ним.

Кевин не видел. Оскар Балдарамма приближался. Ростом выше Кевина, толстый; все в нем было огромным: луноподобное лицо, шея как ствол дерева, могучая бочкообразная грудь под стать пухлой талии. Курчавые черные волосы растрепаны даже больше, чем у Кевина. На Оскаре был темный костюм, сшитый не менее полувека тому назад, старше хозяина лет на десять.

Оскар кивнул, потряс тройным подбородком и прошлепал толстыми подвижными губами:

– Очень приятно встретить еще одного новичка в этой команде. – Голос был скрипучим и монотонным, как будто его обладатель, кривляясь в стиле грустного клоуна, намеревался сорвать смех публики этой фразой.

Не найдя нужных слов, Кевин просто кивнул в ответ. Он слышал, что новый городской прокурор – «горячая голова» со Среднего Запада, несколько лет работал в Чикаго. А им нужен был хороший юрист, потому что в Эль-Модене, как и в большинстве городов, всегда появлялись проблемы с законами. Старый Совет потратил полгода, чтобы подыскать нового прокурора. Но найти такого!..

Оскар подошел вплотную к Кевину, наклонил голову и подмигнул с видом заговорщика. Очевидно, мимика должна была означать, что дело важное и секретное.

– Мне говорили, вы перестраиваете дома?

– Да, это моя работа.

Оскар с видом киношного шпиона огляделся вокруг.

– Мне сдали старенький домик возле планерного порта. Хотелось бы узнать, не можете вы переоборудовать его для меня?

– Ну что ж, для начала надо посмотреть. Думаю, мы обо всем договоримся. Я поставлю вас на очередь. Она у меня небольшая.

– Я охотно готов подождать!

Кевину это показалось знаком хорошего расположения.

– Я осмотрю ваш участок и составлю смету, – сказал он.

– Конечно-конечно, – театрально прошептал толстяк.

Принесли очередной поднос с шампанским. Оскар глубокомысленно уставился на свой бумажный стаканчик.

– О, местное шампанское. Попробуем.

– Да, – сказал Кевин. – Производство Эла Шредера. У него большие виноградники возле Кауэн-Хейтс.

– Кауэн-Хейтс, – повторил Оскар. Дорис сказала резко:

– Да, виноград не из Напы или Сономы, но это еще не значит, что он плохой. Я думаю, вино очень приятное!

Оскар пристально посмотрел на нее:

– А можно спросить, кто вы по профессии?

– Материаловед.

– Тогда я полагаюсь на ваше знание материала. Местного. Виноматериала, кх-м...

Увидев выражение лица Дорис, Кевин не мог сдержать улыбки.

– Шампанское Шредера – так себе, – сказал он. – Но у него есть другое вино – зинфандель, намного лучше.

Оскар слегка скосил глаза:

– Надо будет проверить. Такие рекомендации требуют действия!

Кевин фыркнул, Надежда тоже усмехнулась. А вот Дорис выглядела более недовольной, чем всегда, и своим видом давала Оскару понять это. В это время Джин Аурелиано призвала всех к тишине.

* * *

Пора за работу. Альфредо, проведенный в Совете уже шесть лет, давал сегодня присягу в качестве нового мэра, а Кевин – как вновь вступающий член Совета. Кевин уже позабыл об этом и теперь, пробираясь к трибуне, споткнулся и чуть не упал.

– Ну и начало! – выкрикнул кто-то.

Покраснев, Кевин положил руку на Библию и повторил слова судьи. Внезапно он ощутил себя членом правительства. В точности как пророчили ему еще в шестом классе. Все перешли в зал заседаний, и Альфредо занял место во главе стола. Как мэр он здесь не более чем первый среди равных, просто член Совета от

наиболее многочисленной партии города. Он вел заседания, но, как и остальные, имел один голос.

По одну сторону от Альфредо сидели Кевин, Дорис и Мэтт Чанг. С другой стороны – Хироко Вашингтон, Сьюзен Майер и Джерри Гейгер. Оскар и городской землеустроитель Мэри Давенпорт сидели за отдельным столиком в сторонке. Кевину хорошо было видно всех членов Совета, и, когда Альфредо пригласил всех садиться, он взгляделся в каждое лицо.

Кевин и Дорис представляли партию «зеленых», Альфредо и Мэтт – федералов. Новые федералисты, или попросту федералы, первый раз за несколько лет с небольшим перевесом обошли на выборах «зеленых». Хироко, Сьюзен и Джерри представляли небольшие местные партии и были колеблющимися центристами. Сьюзен и Хироко занимали четко умеренные позиции, а вот решения Джерри были зачастую абсолютно непредсказуемы. Именно это дало ему популярность у некоторых жителей Эль-Модены, которые вступили в партию Гейгера, чтобы видеть своего кумира в Совете.

Альфредо постучал ладонью по столу:

– Если мы сейчас не начнем, то нам придется сидеть тут всю ночь! Поприветствуем нашего нового члена – Кевина Клейборна. И пусть погружается в работу прямо с первого пункта повестки дня. Точнее, второго. Первым было его приветствие. Ладно, номер второй. Пересмотр порядка вырубki лесов, граничащих с водохранилищем в каньоне Питера. Есть решение об отмене действующего порядка до пересмотра его Советом. Такой запрет вынесен по требованию городской партии Дикой природы, представленной сегодня Ху Ньянг. Вы здесь?

На трибуну поднялась женщина довольно эксцентричной внешности. Она убеждающе заговорила о том, что деревья вокруг водохранилища старые и священные, что вырубка этих лесов – вопиющий акт произвола. Когда женщина начала повторяться, Альфредо тактично прервал ее:

– Мэри, порядок вырубki исходил от ваших людей; можете прокомментировать сказанное? – Городской землеустроитель откашлялась.

– Деревья вокруг водохранилища – тополя и ивы. И те и другие исключительно гидрофильны. Естественно, воду они получают из водохранилища. Ясное дело, если их не вырубить, мы будем терять ежемесячно более тысячи кубометров воды. Решение Совета за номером 2022-3 предписывает нам сделать все возможное, чтобы уменьшить свою зависимость от окружной и муниципальной служб водоснабжения. Мы попытались очистить зону водохранилища от гидрофильных деревьев, но тополя быстро выросли вновь. А ивы, между прочим, вообще не уроженцы здешних мест. Мы советуем вырубить эти деревья и заменить их на дубы и степные травы. Впрочем, одну большую иву возле плотины мы собираемся оставить.

– Кто хочет выступить? – спросил Альфредо.

Все выступившие одобрили план Мэри. Джерри заметил, что будет прекрасно, если Эль-Модена избавится наконец от некоторых деревьев. Альфредо попросил высказаться кого-нибудь из публики. Несколько человек выходили к трибуне и в основном повторяли уже сказанное, иногда нетрезвыми голосами. Альфредо прекратил прения и поставил вопрос на голосование. Порядок вырубки деревьев был одобрен семью голосами. Против не выступил никто.

– Единогласно! – радостно сказал Альфредо. – Прекрасное предзнаменование для нашего Совета. Простите, Ху Ньянг, но ваши деревья слишком много пьют. Вопрос номер три: предлагается ограничить шум в районе стадиона средней школы. Ха! Кто осмелится поддержать?

* * *

Заседание шло своим чередом, грозя начисто съесть вечер, не уступив в этом множеству других собраний, которые проводились каждую среду. Битва за разрешение строительства, ставшая протестом против права города на землю, дискуссия о границах районов, распоряжение, запрещающее катание на досках по велосипедным дорожкам, предложение по изменению распределения городских фондов... Обычные житейские проблемы маленького городка, пункт за пунктом решаемые собранием общественности. Работа по управлению миром, повторяемая тысячи и тысячи раз на всей планете. Можно сказать, что это и есть настоящее занятие для представителей власти.

Но в этот вечер Кевин ничего такого не ощущал. Для него это была лишь работа, причем довольно скучная. Он чувствовал себя судьей, который не может подыскать подходящего прецедента. Но даже когда прецеденты находились, Кевин обнаруживал, что они слишком редко были близки к реальной ситуации, чтобы хоть как-то помочь ему. «Интересная штука, – думал он рассеянно, пытаясь избавиться от действия дрянного шампанского, – прецеденты тут бесполезны». Он решил голосовать так же, как и Дорис, а почему и для чего, выяснить потом. К счастью, никто не требовал обосновывать свои решения.

Примерно на каждом пятом голосовании ему упорно приходила в голову одна и та же мысль: «А ведь придется торчать тут каждую среду на протяжении двух лет и заниматься только этим! Внимательно вслушиваться в кучу вещей, которые тебе ни капельки не интересны! Ну какого черта ты поддался на уговоры?»

Публика начала вставать и расходиться. Надежда – женщина из Москвы – осталась на месте и наблюдала за происходящим с явным интересом. Оскар и секретарь Совета делали многочисленные пометки. Собрание продолжалось.

Кевин уже не мог сосредоточиться. Долгий день, да еще это шампанское... Было тепло, хорошо, голоса звучали тихо, успокаивающе...

Спать хочется. Ах, как хочется спать. Стыд-то какой!.. И все же ужасно спать хочется. Просто невозможно. На своем первом заседании в Совете. Но тут так тепло, так уютно... Не спать, не спать! О боже мой! В отчаянии он крепко ущипнул себя. Заметил кто-нибудь, как он сдерживался, чтобы не зевнуть? Не уверен. О чем хоть они говорят-то? Он понятия не имел даже, какой пункт повестки обсуждают. Невероятным усилием воли Кевин попытался сосредоточиться.

– Номер двадцать седьмой, – произнес Альфредо, и Кевин на секунду испугался, что тот сейчас посмотрит на него со своей наглой улыбкой. Но Фредо продолжал читать. Куча обычных бюрократических деталей. Например, представление отделом городского планирования двух новых членов Водоканал-мастера. Кевин ни одного из них не знал раньше. Не до конца еще очнувшись, он потряс головой. Водоканал-мастер... Когда Кевин был маленьким, это слово приводило его в необъяснимое восхищение. Позже он весьма разочаровался, узнав, что это не волшебник, обладавший магической властью над водами, а всего лишь одна из служб в бесчисленном ряду контор. В одних водоемах они только

регистрировали расход воды, в других сами устанавливали политику водопользования. Кевин представления не имел, чем они там занимаются в своей службе, но сейчас почуял нечто странное. Возможно, оттого, что имена были незнакомы. Вот и прокурор за своим столом слегка покачал головой. До сих пор он наблюдал за происходящим с каменным лицом, но теперь в его поведении что-то изменилось, словно статуя спящего Будды приоткрыла вдруг один глаз и взглянула с любопытством.

– А они кто? – прохрипел Кевин. Голос с полудремы плохо слушался. – Я имею в виду этих двоих.

Альфредо легко и изящно «обработал прерывание», словно Рамона, на лету берущая трудный мяч. Он представил двух кандидатов. Один из них – компаньон Мэтта, другой – сотрудник инженерной службы окружного водоснабжения.

Кевин с сомнением выслушал.

– А каковы их политические убеждения? – Альфредо пожал плечами:

– Я думаю, они федералы, но какая разница? Это же не политическое дело.

– Шутить изволите? – скривился Кевин.

Вода, и не политическое? Сонливость как рукой сняло, он пробежал глазами текст пункта под номером 27. Альфредо потребовал объясниться, однако Кевин, ничего не слыша, вчитывался в бумагу. Одобрение положения с добычей воды из источников района, одобрение годового отчета по использованию грунтовых вод (хорошо!). Письмо с благодарностью в адрес окружной службы водоснабжения за земли каньона Кроуфорд, переданные в дар городу в прошлом году. Письмо из отдела городского планирования с запросом дополнительной информации о предложении Управления водоснабжением штата увеличить подачу воды городам-клиентам...

Дорис толкнула его локтем под ребро.

– Что ты имеешь в виду? – повторил Альфредо в третий раз.

– Вода – всегда политическое дело, – рассеянно сказал Кевин. – Скажи-ка, ты всегда вставляешь в один вопрос повестки так много вещей?

– А что такого? – ответил Альфредо. – Мы объединяем вопросы по темам.

Голова Оскара качнулась немного влево, затем вправо. Ну прямо ожившая статуя Будды.

Если бы чуть больше знать об этом... Кевин ткнул в документ наугад:

– А что за предложение от УВС?

Альфредо заглянул в повестку дня:

– Ах, это... Это было несколько заседаний тому назад. Решением суда Управлению водоснабжением штата расширили их участок реки Колорадо, и они хотели бы продать эту воду, пока не закончено строительство туннеля, куда загонят реку Колумбия. Отдел городского планирования решил, что если мы будем получать больше воды от УВС, то сможем избежать штрафов со стороны окружной службы за перерасход грунтовых вод и в конечном счете сэкономим средства. УВС готово на все – когда к Колумбии подойдет труба, это будет выгодный рынок. По сути дела, это уже и сейчас выгодно.

– Да, но мы не выкачиваем излишне много грунтовых вод.

– Согласен, но штрафы за перерасход суровые, так что... А получив воду, мы сможем компенсировать любой наш перерасход и избежать штрафов.

Кевин озадаченно покрутил головой:

– Но если мы получим дополнительную воду, то это значит, что перерасхода вообще не будет!

– Точно! В том-то и дело. Но как бы то ни было, это всего лишь письмо с просьбой дать дополнительную информацию.

Кевин задумался. По работе ему часто приходилось получать разрешения на пользование водой, и он кое-что знал об этом. Как и многие города в Южной Калифорнии, они покупали воду у УВС в Лос-Анджелесе, который качал ее из Колорадо. Но это практически и все, что он знал...

– А какую информацию мы сейчас имеем? У них есть минимальная норма?

Альфредо попросил Мэри найти подлинник письма из столичной службы и зачитать его. Минимальный объем продажи – шестьдесят тысяч кубометров в год.

– Но ведь это намного больше, чем нам нужно! – удивился Кевин. – Что ты собираешься делать с такой прорвой воды?

– Ну... – замялся Альфредо, – если в первое время будут какие-то излишки, мы можем продавать их окружному Водоканалу.

«Если будут, – подумал Кевин. – В первое время... Как-то странно все это звучит».

Дорис подалась вперед на своем кресле:

– Так, значит, мы решили заняться бизнесом с водой? А как же насчет решения уменьшить зависимость от УВС штата?

– Но это всего лишь письмо с запросом дополнительной информации, – раздраженно повторил Альфредо. – Вода – вещь непростая и с каждым днем становится все дороже. А наше дело – попытаться получить ее как можно дешевле. – Он взглянул на Мэтта Чанга, а затем уткнулся в свои бумаги.

Кевин стиснул кулаки. Чего-то они добиваются. Кевин не знал, чего именно, но внезапно понял – от него хотят что-то скрыть, на его первом заседании Совета, когда он еще не вошел в курс дела, да к тому же устал и немного в подпитии.

Альфредо забубнил о засухе.

– А для таких вещей не нужно официального заключения о влиянии на окружающую среду? – прервал его Кевин.

– Для информационного письма? – спросил в ответ Альфредо немного саркастично.

– Да ладно, ладно. Недавно я стоял тут перед Советом и пытался получить разрешение объединить оранжерею и курятник. Для этого мне пришлось добывать заключение о воздействии на окружающую среду, а уж для таких изменений этот документ наверняка понадобится. – Кевина охватила внезапная вспышка ярости.

– Это всего лишь вода! – сказал Альфредо.

– Твою мать! Решил всех одурачить?! – вскипел Кевин. Дорис пихнула его локтем, и Кевин вспомнил, где находится. Покраснев, он опустил голову. Среди публики кто-то захихикал. Еще бы! Понаблюдать за скандалом не где-нибудь, а в Совете!

Ладно. В разговоре наступила пауза. Кевин оглядел других членов Совета. Мэтт насупился. Центристы сидели с озабоченным видом, смущенные.

– Послушайте! – сказал Кевин. – Я не знаю, кто эти кандидаты, не знаю подробностей предложения от УВС. В такой ситуации я не могу одобрить пункт двадцать седьмой. Предлагаю перенести обсуждение на другое заседание.

– Я поддерживаю, – сказала Дорис. Альфредо выглядел так, будто хотел что-то возразить, но всего лишь произнес:

– Кто за это предложение?

Кевин и Дорис подняли руки. Широко с Джерри их поддержали.

– Хорошо, – сказал Альфредо, пожав плечами. – Тогда на сегодня все.

Он быстро закрыл заседание и, когда все встали, взглянул на Мэтта.

«Они что-то хотели протащить через Совет, – подумал Кевин. – Но вот что?» Злость вспыхнула в нем с новой силой. Хитрит Альфредо! И никто, кроме Кевина, этого не замечает.

Перед Кевином выросла грузная фигура городского прокурора. Стоящий Будда.

– Так вы придете посмотреть мой домик?

– Ах да, – рассеянно проговорил Кевин. Оскар дал ему свой адрес.

– Может, вы и мисс Накаяма сможете зайти к завтраку. Вы посмотрите дом, а я постараюсь прояснить вам некоторые тонкости сегодняшней повестки дня.

Кевин быстро взглянул на Оскара. Крупное лицо толстяка было совершенно непроницаемо. Потом он со значением подмигнул обоими глазами, черными как вороново крыло. И снова круглый лик его окаменел.

– Хорошо, – сказал Кевин. – Мы придем.

– Я буду ждать вас.

* * *

Ночное возвращение домой после долгого собрания. Кевину надо было завезти кое-какие инструменты Хэнку, а Дорис с Надеждой направились прямо домой. И вот сейчас он ехал в одиночестве.

Встречный напор прохладного воздуха, мерцающая фара, легкое жужжание велосипедной цепи. Повсюду запах цветущих апельсинов, смешанный с ароматом эвкалипта, приправленного шалфеем, – характерные запахи Эль-Модены. Забавно, что два из трех – пришлые. Они сопровождали Кевина всю дорогу...

Вырвавшись наконец на свободу, все еще слегка навеселе, Кевин чувствовал, как ароматы земли наполняют его. Он легкий, словно воздушный шарик. Неожиданный восторг охватил его этой весенней прохладной ночью.

Как всегда говорил Хэнк, в каждом атоме, в каждой молекуле, в каждой крошке материального мира существует Бог, так что с каждым глотком воздуха ты вдыхаешь Бога. Кевин иногда действительно чувствовал что-то в этом роде, заколачивая гвозди в новую конструкцию, паря в небе, катя вот так в ночи на велосипеде, когда вокруг громоздятся черные холмы... Ему знакомы были очертания каждого темного дерева на пути, каждый поворот. Всю дорогу Кевин чувствовал, как растворяется в окружающем, запах деревьев становится его частью, тело его становится частицей этих холмов, а душа полнится священным трепетом.

* * *

Бедра Кевина еще гудели от недавнего полета, и, ощущая это, он снова представил себе ноги Рамоны. Длинные мускулы, гладкая загорелая кожа, пушок шелковистых волос... Бах, бах – ударами по ультралитовой раме выражает Рамона свою ярость и боль. Еще многое связывает ее с Альфредо, это несомненно.

Долгий-долгий день. Игра. Четыре – четыре. Руки еще помнят сильные, жесткие удары по мячу. Потом пустая болтовня на Чапмен-авеню. Мысли о собрании заглушают приятные воспоминания этого дня. Ох, парень! Влип ты с этим чертовым Советом на целых два года. В Кевине снова вскипела злость на Альфредо, на его уловки. Вспомнилась странная мимика нового городского прокурора. Стоящий Будда. Что-то происходит. Забавно, что Кевин уловил это даже сквозь полудрему, в которой пребывал. Друзья подшучивали над ним за медлительность, но дураком-то он не был, нет! Взгляните только на его дома, и поймете это. Интересно, обратил бы Кевин внимание на этот скользкий пункт повестки дня, если б не сонливость? Трудно сказать. Да и не в этом дело. Какое-то подсознательное сопротивление. Упрямый разум отказался быть одураченным.

Кевин свернул влево, на дорожку, поднимавшуюся к дому. Он жил в большом старом переоборудованном здании, построенном в виде подковы вокруг пруда. Кевин сам занимался реконструкцией и до сих пор считал, что это – лучшее из его созданий: огромный шатер, заполненный светом, дом для целого рода. Жильцы дома, соседи Кевина, и в самом деле были настоящей семьей.

Последний болезненный толчок бедер и короткий спуск к велосипедной стоянке у открытого конца подковы. Наверху, как всегда, светилось окошко Томаса. Наверняка сидит перед экраном компьютера и работает не покладая рук. У большого кухонного окна сновали тени. Это, конечно, Донна и Синди. Болтают, наблюдая, как дети моют тарелки, и одаривают их подзатыльниками.

Дом стоял в роще авокадо у подножия Рэттлснейк-Хилла, одного из последних вздутый земли, называющихся горами Санта-Ана, перед пологим спуском к морю. Темная громада холма наверху, укутанная зарослями кустарникового дуба и шалфея. Дом Кевина под холмом. Холм, центр его жизни.

Кевин вдвинул переднее колесо своего горного велосипеда в «стойло». Повернувшись к дому, он вдруг что-то увидел и остановился. Какое-то движение. Там, в темноте рощи.

Кевин скосил глаза на освещенные окна кухни. Звон кастрюль, голоса. В глубине рощи, среди деревьев, мелькнула тень. Внезапно Кевин почувствовал на себе взгляд. Высокая тень, по форме – человек. Слишком темно, чтобы разглядеть как следует.

Темное нечто шевельнулось, двинулось в сторону и исчезло среди деревьев – совершенно беззвучно.

Кевин перевел дыхание. По спине и затылку бежали мурашки. Что за черт?..

Просто, видать, слишком долгий был день. И ничего там нет, кроме ночи. Кевин тряхнул головой и вошел в дом.

2

2 марта 2012 года. 8 часов утра. Я решил – дабы, что называется, глубже проникнуться духом моей книги – писать ее на свежем воздухе. К сожалению, сегодня с утра идет снег. Впрочем, балкон верхней квартиры образует над нашим нечто вроде крыши, поэтому я все же пробую осуществить свое намерение. Выкатываю на балкон компьютерную стойку и кресло, подключаю

через удлинители, надеваю теплые брюки и куртку, натягиваю теплые сапоги. И так, прочь от мирских забот. Замечательные минуты, свободный полет фантазии... Брр! У меня стынут руки.

Stark bewolkt, Schnee[2 - Снегопад, никудышная погода (нем.)]. За весь этот год мы толком и не видели солнца, на погоду жалуются даже местные жители. Внезапно меня посещает видение: долина Оуэнс-Вэлли весной, когда все цветет.

Я пишу утопический роман. Разумеется, он – своего рода компенсация, такая попытка преуспеть хотя бы тут, раз уж ничего не получилось в главном. Или, по крайней мере, попытка разобраться в собственных убеждениях и желаниях.

Помню, когда я учился в юридическом колледже, мне казалось, что жизнь общества определяется законами, которые, если их как следует изучить, помогут изменить сложившийся порядок. Затем была работа в должности государственного защитника, множество клиентов, сплошная рутина. Я понял, что изменить ничего не удастся, и в обратном меня не убедили даже судебные процессы, которые я вел от имени социалистической партии – точнее, от имени жалкой кучки, что была когда-то партией. Непрерывные атаки со всех сторон; если удавалось сохранить что имели, мы считали, что нам повезло. Никаких изменений к лучшему, только бы не потерять последнее. Признаться, я вздохнул с облегчением, когда получил возможность уйти (Памела как раз защитила докторскую).

Теперь я изменяю мир в мыслях.

Балкон выходит на крошечный дворик, размеры которого ограничены кирпичными стенами соседних зданий. Посреди дворика растет липа, которая намного выше других деревьев и, естественно, кустов. Ее мокрые черные ветки тянутся к небу, которого не видно из-за густой снежной пелены. Прямо под балконом я вижу два вечнозеленых растения: одно смахивает на падуб, другое похоже на можжевельник; среди ветвей, изредка что-то щебеча, копошатся птицы, маленькие пернатые комочки. В промежутке между стенами двух зданий виднеется кусочек Цюриха: медно-зеленые шпили Гроссмюнстера и Фраумюнстера, отливающая сталью поверхность озера, университет, банки... Средневековый город. Доносится скрежет катящегося под гору трамвая.

Я пишу утопический роман, находясь на территории страны, устройство которой напоминает хорошо отлаженный механизм; и это несмотря на четыре языка, две религии и почти полное отсутствие каких бы то ни было природных ресурсов. Причины конфликтов, раздирающих на части весь остальной мир, устанавливаются здесь с холодной рассудительностью (словно речь идет о пустяках вроде задачек на сопротивление материалов), а сами конфликты благополучно гасятся. Если науке угодно знать, какой вращающий момент способно выдержать общество, пусть спросит у швейцарцев.

Возможно, они со своим благоденствием слегка хватили через край. В страну хлынул поток беженцев; местные жители утверждают, что ныне Auslander[3 - Иностранцы (нем.)]составляют половину населения. Вот почему на выборах в некоторых кантонах одержала верх партия национального действия, которая вошла в правящую коалицию. Ее девиз, вернее, боевой клич: «Швейцарию швейцарцам!» Кстати, вчера мы получили Einladung[4 - Извещение (нем.)]из Fremdenkontrolle der Stadt Zurich. Управление по делам иностранцев города Цюриха. Необходимо продлить наши Ausländerausweise[5 - Вид на жительство (нем.)]. Подобная процедура повторяется теперь раз в четыре месяца. Интересно, а не вознамерились ли власти дать нам пинка под зад?

Впрочем, пока все спокойно. Падают белые снежинки. Я будто очутился в своего рода карманной утопии, сочиняю на крохотном островке покоя посреди обезумевшего мира. Может быть, так будет проще приспособиться к тому, что меня ожидает; быть может, отныне, стоит лишь вспомнить Швейцарию, я буду всякий раз испытывать схожие чувства.

К несчастью, карманных утопий на свете не бывает.

* * *

На следующее утро Надежда вместе с Кевином и Дорис отправились к Оскару Балдарамме. Они сели на велосипеды, выехали на шоссе – гул голосов, скрип тормозов, то и дело кто-то с кем-то сталкивается, – вскоре добрались до улицы, на которой жил Оскар, и покатали по ней вниз, в тени высоких деревьев, чьи стволы в лучах утреннего солнца отливали янтарем.

Возле дома Оскара росли лимоны и авокадо. Некоторые плоды попадали на землю; от них исходил сладковатый запах. Сам дом – типовой, возведенный в

пятидесятых годах, представлял собой одно из тех деревянных строений с покрытыми штукатуркой стенами, которыми когда-то изобиловали городские пригороды; на крыше лежала каменная черепица. В глубине двора, под сенью авокадо, располагался навес для велосипедов и сельскохозяйственных инструментов. Его крыша углом соприкасалась с крышей дома.

– Навес для автомобиля, – сказал Кевин, с интересом разглядывая сооружение. – Их почти не осталось.

Оскар вышел навстречу гостям в пестрой гавайской рубашке, узор которой составляли чередующиеся желтые и голубые полосы, и сиреневых шортах. Не обратив ни малейшего внимания на Дорис, которая насмешливо прищурилась, он пригласил всех внутрь. Дорис заметила, что дом чересчур велик для одного человека; Оскар тут же напыжился, отступил в сторону, насупил брови, помахал в воздухе воображаемой сигарой и произнес: «Милости просим подселаться!»

Кевин и Дорис недоуменно уставились на него.

– Граучо Маркс[6 - Джулиус (Граучо) Маркс (1895–1977) – американский комик, один из четверых братьев, которые были популярны в тридцатых – сороковых годах XX в. В фильмах постоянно появлялся с усами и курил сигару.], – пояснил Оскар.

– Я слышала это имя, – проговорила Дорис, переглянувшись с Кевином, который утвердительно кивнул. Оскар поглядел на Надежду. Та улыбалась.

– В таком случае... – пробормотал он, сложил губы дудочкой и пригласил гостей в соседнюю комнату.

Когда они осмотрели дом, Кевин поинтересовался, чего конкретно хочет Оскар.

– Никаких излишеств. – Оскар взмахнул рукой. – Стены настолько прозрачные, что невозможно определить, внутри ты или снаружи; третий этаж с мансардой, а также, возможно, с голубятней, солярием, холодильником и мусоропроводом; банановые и коричневые деревья, лестница с позолоченными перилами; библиотека, способная вместить двадцать тысяч томов, и система бесперебойной доставки продуктов.

- А огород вам не нужен? – спросила Дорис.
- Терпеть не могу работать в огороде.
- Оскар, это просто смешно! – Дорис закатила глаза.
- Вот такой я недотепа, – торжественно заявил хозяин.
- Откуда же вы собираетесь брать овощи?
- Буду покупать. Помните, что это означает?
- Помню. – Похоже, шутка Оскара пришлась Дорис не по вкусу.

Воцарилось ледяное молчание. Все вышли на задний двор. Кевин попытался выяснить, что же нужно Оскару на самом деле, но особого успеха не добился: Оскар по-прежнему рассуждал о библиотеках, деревянных панелях, каминах и уютных гнездышках, которые скрашивают долгие зимние вечера. Кевин попробовал объяснить, что в здешних краях зимние вечера короткие и совсем не холодные, что его манера – оставлять как можно больше свободного пространства, так сказать, превращать городской дом в своего рода маленькую ферму. Оскар как будто не возражал, однако продолжал вещать все в том же духе. Кевин почесал в затылке и, прищурясь, поглядел на прокурора. Ни дать ни взять этакий болтливый Будда.

Наконец Надежда спросила, что думает Оскар по поводу вчерашнего заседания Совета.

- А... Что ж... Вы представляете себе, какое тут положение с водой?
- Американский Запад начинается там, где годичный уровень осадков опускается ниже десяти дюймов, – отрапортовала Надежда, словно отвечая в школе на уроке.
- Совершенно верно.

И поэтому, пустился объяснять Оскар, Соединенные Штаты представляли собой, в общем и целом, пустынную цивилизацию и, подобно всем предыдущим пустынным цивилизациям, оказались на грани уничтожения, когда начались проблемы с водоснабжением. На Западе в то время жили шестьдесят миллионов человек, а природных запасов хватало от силы на два-три миллиона. А так как засоряются даже крупнейшие резервуары, приходится пользоваться в основном подземной водой, которую добывают, словно нефть (менее чем за столетие из-под земли выкачали едва ли не всю воду, которая копилась там на протяжении тысячелетий). Громадные водоносные пласты стали пересыхать; резервуары непрерывно мелели, а засуха мало-помалу сделалась привычным явлением. Естественно, требовалось принимать какие-то меры.

Найденное решение оказалось весьма впечатляющим и получило полное одобрение командования инженерных войск. На северо-западе Соединенных Штатов протекает река Колумбия, которая каждый год сливает в Тихий океан поистине чудовищное количество воды. Штаты Вашингтон, Орегон и Айдахо подняли шум: мол, вспомните, что случилось с долиной Оуэнс-Вэлли, когда Лос-Анджелес получил право на ее воду.

Однако объем воды в Колумбии превышал потребности этих штатов раз в сто, а на юге между тем положение становилось просто отчаянным. Да, инженерные войска пришли в восторг. Дамбы, резервуары, трубопроводы, каналы, многомиллиардные доходы, роль спасителей задыхающегося от жажды Юга... Великолепно! Потрясающе! Что может быть лучше?

– Вот чем мы занимались все эти годы: вместо того чтобы переселяться туда, где есть вода, перебрасывали воду к людям.

– Знакомая ситуация, – кивнула Надежда. – В моей стране одно время носились с планом развернуть Волгу, чтобы она протекала по засушливым землям. От затеи отказались лишь тогда, когда стало ясно, что это приведет к изменению климата во всем мире. – Она улыбнулась. – Или же по причине отсутствия средств. Но я не совсем поняла вчерашние разногласия. Ведь у вас воды скоро вновь будет предостаточно?

– Меня заинтересовали две детали. Первая – запрос, отправленный в управление водоснабжения в Лос-Анджелесе, которое отвечает за обеспечение нас водой по трубопроводу от реки Колорадо. Вторая – кандидатуры на должность ответственного за водоснабжение. С одной стороны, мэр вроде бы пытается

увеличить объем воды, выделяемый Эль-Модене, с другой – не прочь единолично им распоряжаться. Я понятно выражаюсь?

Гости дружно кивнули.

– А что там с запросом? – полюбопытствовала Надежда.

– Принимая решение о разделении воды Колорадо между штатами, по территории которых протекает река, федеральный суд вынес его на основании данных о годовом стоке. К несчастью, по чистой случайности были использованы цифры, которые относились к году сильного паводка. В результате фактический объем воды существенно отличается от зафиксированного на бумаге и штаты дерутся за нее, как собаки за кость. Поэтому суд в конечном итоге урезал квоты всех штатов; однако Калифорния – точнее, Управление водоснабжения – не так давно добилась, чтобы ей восстановили прежнюю норму.

– Каким образом?

– Во-первых, Калифорния пользовалась этой водой дольше других, что подкрепляло ее претензии. Во-вторых, когда появился трубопровод Колумбия, стало ясно, что штатам-соперникам вода Колорадо больше не понадобится. Итак, управление водоснабжения получило излишек воды, а поскольку права на нее, если водой будут активно пользоваться, уже никто не оспорит, потребовалось срочно продать весь новый объем. Предложения об увеличении квоты были направлены всем без исключения клиентам в Южной Калифорнии. Большинство отказалось, и УВС занервничало.

– А почему большинство отказалось?

– У них ровно столько воды, сколько нужно. Это один из методов регулирования численности населения. Все рассчитано до мелочей. Так называемая «стратегия Санта-Барбары».

– А ваш мэр, наоборот, хочет увеличить квоту?

– Вы вчера сами слышали.

– Но почему? – проговорил Кевин.

– До меня дошли кое-какие слухи. – Оскар поджал губы, воровато огляделся по сторонам, словно в поисках подозрительных личностей, и прошептал заговорщицким тоном: – Как-то раз, вскоре после своего приезда сюда, я сидел за обедом в ресторане. Вдруг из-за перегородки донеслись голоса...

– Вы подслушивали! – воскликнула Дорис.

– Увы. – Оскар напустил на себя донельзя расстроенный вид. – Не мог удержаться. Простите великодушно.

Дорис скорчила гримасу.

– Позже выяснилось, что разговаривали ваш мэр и некто по имени Эд. Они обсуждали новый комплекс, в котором будут и лаборатории, и конторы с магазинами. В качестве потенциальных арендаторов упоминались «Новаджин» и «Хиртек».

– «Хиртек» принадлежит Альфредо и Эду Мейси, – сообщила Дорис.

– Вон оно что. Понятно.

– А они не говорили, где собираются строить? – справился Кевин.

– Нет, о конкретном месте речи не было. Впрочем, мистер Блэр сказал: «Им нравится этот вид». Возможно, имелись в виду близлежащие холмы. Так или иначе, чтобы построить в Эль-Модене новый торгово-промышленный комплекс, необходимо увеличить городскую норму воды. Поэтому, увидев вчера в повестке заседания двадцать седьмой пункт, я сразу подумал, что это, возможно, пробный шар.

– Хитрая лиса! – процедила Дорис.

– По-моему, он не хитрил, – возразил Оскар.

– Что, демонстрируете нам пресловутую беспристрастность юриста? – поинтересовалась Дорис, кинув на Балдарамму испепеляющий взгляд.

Кевин моргнул. Он знал, что Дорис на дух не переносит юристов. «Мы сыты законниками по горло. Они ничего не делают, лишь придумывают все новые оправдания для своего существования. Перед колледжем им всем нужно вбить в головы основные принципы экологии, чтобы они ценили в жизни не только деньги». – «Всех юристов обучают экологии, – обычно отвечал Дорис Хэнк. – Где бы они ни учились». – «Обучать-то обучают, – фыркала Дорис, – да что толку? Бездельники проклятые!» Сейчас, в присутствии Оскара, она проявляла ледяное безразличие, однако сколько сарказма было вложено в ее последнюю фразу!

Правда, Оскар не подал виду, что заметил оскорбление.

– Я вовсе не беспристрастен, – отозвался он, глядя на Дорис.

– И не хотите, чтобы Альфредо построил свой комплекс?

– Пока мы не знаем, собирается ли он строить что-либо вообще. Нужно разузнать поподробнее.

– А если так оно и есть?

– Все зависит...

– Ну разумеется!

– Все зависит от того, где именно хотят строить комплекс. Мне бы не хотелось, чтобы он занял один из здешних холмов. Их и так-то осталось всего ничего.

– Да уж, – согласился Кевин. – Кстати, вид на Эль-Модену открывается только с Рэттлснейк-Хилла. – Они с Дорис переглянулись.

* * *

Оскар накормил гостей роскошным завтраком из сосисок и гренок, поджаренных в молоке с яйцом. Кевин съел свою порцию совершенно без всякого аппетита. Его холм, его убежище...

– Если допустить, что Альфредо нацелился именно на этот холм, – проговорила Надежда, – как можно его остановить?

– Закон на нашей стороне! – объявил Оскар, поднимаясь со стула, и замахал руками, изображая боксера. – Но прибегнем ли мы к его помощи?

– Тоже мне, боксер-самоучка! – фыркнула Дорис.

– Конечно, прибегнем! – откликнулся Кевин.

– Тут есть за что зацепиться, – продолжал Оскар. – Я, разумеется, не специалист, но мне известно, что водное законодательство Калифорнии – настоящее болото. Мы можем выступить в роли существа из черной лагуны. – Он, прихрамывая, прошелся по кухне, как бы иллюстрируя словесный образ. – Кроме того, следует потолковать с моей приятельницей из Бишопы, Салли Толлхок; она преподает в юридическом колледже, а до недавних пор работала в Управлении по охране водных ресурсов штата, поэтому знает интересующие нас законы лучше кого бы то ни было. Я как раз собирался навестить ее, заодно и поговорю.

– Нужно выяснить, что конкретно задумал мэр, – сказала Надежда.

– Как?

– Очень просто, – заявил Кевин. – Я пойду к Альфредо и спрошу его в лоб.

– И правда, чего юлить? – заметил Оскар.

– Можно поступить иначе, – вмешалась Дорис. – Притаиться под окном и подслушивать до тех пор, пока не узнаем, что хотим.

– Тяжелый случай, – сказал Оскар, обращаясь к Кевину.

– Кажется, где-то поблизости живет Томас Барнард? – спросила Надежда.

– Это мой дед, – отозвался удивленный Кевин. – Он живет в холмах.

– Возможно, он сумеет помочь.

– Возможно, однако я...

Дед Кевина долгое время занимался политикой, являлся одним из организаторов экономических реформ двадцатых – тридцатых годов, но все это было в прошлом.

– Он прекрасно разбирался в законах, – сказала Надежда. – Моментально улавливал суть.

– Вы правы, – кивнул Кевин. – Честно говоря, мне нравится ваша идея. Правда, сейчас дед живет отшельником. Мы с ним не виделись давным-давно.

– У всех свои странности. – Надежда пожала плечами. – Лично мне хотелось бы его повидать.

– А вы знакомы?

– Встречались однажды.

В конце концов Кевин согласился отвезти ее к деду.

Напоследок Оскар показал им свою библиотеку, что располагалась в одной из комнат. Книги лежали в картонных коробках, которые громоздились друг на друга и доставали чуть ли не до потолка. Заглянув в одну из коробок, Кевин увидел биографию Лу Герига[7 - Лу Гериг (1903–1941) – американский бейсболист, установивший рекорд по количеству сыгранных подряд игр (2130).].

– Эй, Оскар, вам надо играть с нами в софтбол.

– Увы, мой друг, я ненавижу софтбол.

Дорис фыркнула.

– Почему? – изумился Кевин.

Оскар принял воинственную позу и прорычал:

– Клейборн, мир играет в жестокие игры.

* * *

Да, мир играет в жестокие игры, и с этим ничего не поделать. Но только не Рэттлснейк-Хилл!

И не просто потому, что тот – за его домом (что, безусловно, важно само по себе). Холм – небольшая возвышенность на оконечности гряды Эль-Модена – принадлежал Кевину с самого детства. На вершине росли деревья, посаженные ребятами из дедушкиного выпускного класса, а под ними приткнулись чахлые кустики.

Больше незастроенных холмов в окрестностях не было, да и этот уцелел лишь благодаря тому, что им на протяжении десятилетий владело Управление водоснабжения округа Ориндж.

На холм, по мнению Кевина, теперь поднимался только он. Правда, время от времени ему случалось находить на вершине пустую банку из-под пива или другой мусор, однако людей он не встречал. Кругом царила тишина, которую нарушало разве что жужжание насекомых; ощущалось чье-то незримое, умиротворяющее присутствие, словно на холме обитал некий могущественный, хотя и не слишком, индейский дух.

Кевин поднимался на вершину, когда ему хотелось подышать свежим воздухом. Брал с собой блокнот, шел на свое любимое место на западной опушке рощицы, садился, глядел на равнину и рисовал планы фасадов, комнат и нежилых помещений. Так он поступал не один год: еще школьником зачастую прибегал туда делать уроки. А потом изучал распадки на западном склоне, кидался камнями с вершины или отправлялся вниз по старой грунтовой дороге. Он приходил на холм, поддавшись желанию понежиться на солнце, ощутить кожей землю, а в романтическом настроении приводил наверх подружек.

Но сегодня он пришел на вершину в одиночестве. Близился полдень, было жарко, пахло пылью и полынной настойкой. Кевин провел ладонью по земле, прикоснулся к осколкам песчаника, подобрал, растер в пальцах... Привычное ощущение покоя не возникало, он не чувствовал себя заодно с холмом; радость, испытанная накануне вечером по дороге домой, улетучилась без следа. Слишком много забот, от которых, к сожалению, не избавиться.

* * *

Беспокойство не отпускало даже во время работы. Они с Хэнком и Габриэлой в срочном порядке заканчивали отделку двух домов, один из которых находился в Коста-Месе. Кевин работал автоматически, ни на секунду не переставая думать о планах Альфредо. «Им нравится этот вид». Чтобы построить комплекс, необходимо увеличить городскую норму воды. А чтобы открывался вид на Эль-Модену... Как ни крути, все упирается в Рэттлснейк-Хилл. В холм, на вершине которого человеком овладевала уверенность, что уж здесь-то все всегда будет как прежде. И тем отчасти объяснялась притягательность холма. Кевин понял это только сейчас, соскребывая с черепицы замазку.

Обычно, когда Кевин работал, ему было хорошо. Труд, связанный со строительством, особенно плотницкие работы, доставлял истинное наслаждение. Ведь результаты появлялись буквально на глазах; сборка каркаса, установка проводки, оштукатуривание, покраска, окончательная отделка... Одновременно он испытывал нечто вроде счастья архитектора, который видит воплощение своих замыслов. К примеру, с домом в Коста-Месе было много сложностей, ведь по проекту требовалось создать целую анфиладу, чтобы комнаты переходили одна в другую. И достаточно ли света в левом крыле? Не узнаешь, пока не сделаешь; зато какое удовольствие наблюдать за тем, как материализуется видение, и убеждаться в правильности расчетов! Срывать покровы с тайны. Короче говоря, мгновенно получаешь удовлетворение, решая поочередно не очень сложные задачи и тем самым разгрызая орешки покрепче. И постоянно ощущаешь какую-то детскую радость. Бум! Бум! На улицу, туда, где солнце и ветер, к давним приятелям-облакам.

Но эту неделю омрачила тревога по поводу холма. Отделка, любимое занятие Кевина, ничуть не отвлекала от мрачных мыслей и в конце концов обрыдла до тошноты. А все остальное просто-напросто раздражало. Черт побери, такими темпами городскую улицу будут перекапывать до скончания века!

Нет, необходимо внести хоть какую-то ясность. Что ж, он сказал тогда у Оскара, что встретится с Альфредо, значит, придется встретиться. Иного выхода нет.

* * *

И вот, выбрав день, Кевин после работы сел на велосипед и поехал к зданию на Редхилле, где жили многие сотрудники «Хиртека». В том числе, с недавних пор, и Альфредо.

Здание располагалось на площадке, вырубленной в склоне холма, что возвышался над Тастином и Футхиллом. Его проектировщики использовали ненавистный Кевину стиль «Возрождение миссий». Для Кевина калифорнийские индейцы оставались благородными дикарями, которых истребил Хуниперо Серра, поэтому стиль этот, что каждые лет тридцать или около того снова приобретал в Южной Калифорнии популярность несколько ностальгического свойства, представлялся ему своего рода архитектурным оправданием геноцида. Когда появлялась возможность, он с удовольствием уничтожал даже самые незначительные признаки этого стиля.

Впрочем, стиль обладал одним достоинством – позволял без труда отыскать входную дверь. Вот и сейчас Кевин сразу обратил внимание на парочку вырезанных из древесины дуба монстров под крытым черепицей портиком. Он пересек усыпанный гравием двор, приблизился к массивной стене и дернул за толстый шнур звонка.

Дверь открыл сам Альфредо, в шортах и футболке.

– Кевин! Какой сюрприз! Заходи, старина.

– Если не возражаешь, давай поговорим здесь. Ты как, временем располагаешь?

– Конечно. – Альфредо спустился по ступенькам, оставив дверь открытой. – Что случилось?

Кевин не сумел придумать ни единой фразы, которую можно было бы использовать в качестве обходного маневра, и поэтому решил взять быка за рога:

– Правда, что вы с Эдом и Джоном хотите построить на Рэттлснейк-Хилле промышленный комплекс?

Альфредо приподнял брови. Кевин ожидал, что он либо вздрогнет, либо признает свою вину каким-то иным, не менее очевидным образом. А так – поведение Альфредо заставило Кевина занервничать, даже почувствовать себя виноватым. Может, Оскар услышал совсем не то?

– Кто тебе это сказал?

– Неважно. Сказали, и все. Это правда?

– Разговоры, конечно, были, – сообщил Альфредо, выдержав паузу, и пожал плечами. («Ага!» – мысленно воскликнул Кевин.) – Но конкретно никто ничего не предлагал. В любом случае подобное предложение прошло бы через Совет, значит, ты наверняка о нем бы знал.

Кевин ощутил раздражение.

– Так вот почему ты попытался протащить через Совет свою заявку!

– Я ничего не пытался протащить. – Альфредо выглядел озадаченным. – Все делалось открыто, никто никого не обманывал, верно?

– На первый взгляд – да. Но время было позднее, все устали, а я вообще присутствовал на Совете впервые... Ты все рассчитал и надеялся, что сумеешь добиться своего.

– Кевин, для члена Совета усталость оправданием не является. Тебе это в новинку, но ты привыкнешь. – Похоже, Альфредо забавляла наивность Кевина. – Кстати, если бы кто-то попробовал проделать то, в чем ты обвиняешь меня, он постарался бы замаскировать свои действия, представил бы, скажем так, сфабрикованную заявку...

– По-моему, ты жалеешь, что не поступил подобным образом.

– Ничуть. Я просто пытаюсь убедить тебя, что ничего не протаскивал, – произнес Альфредо тоном, каким обычно объясняют что-либо непонятливому ребенку, и спустился с крыльца на дорожку.

– Рассказывай, – хмыкнул Кевин. – Дураку ясно, что сейчас ты ни в чем не признаешься. Ну да ладно, скажи лучше, зачем тебе понадобилось лишать город последнего незастроенного холма?

– Ты о чем? Что за бред? Я всего лишь хочу сэкономить на расходах за воду; между прочим, забота о деньгах – моя обязанность. А что касается промышленного центра, который якобы собираются строить, объясни-ка, что ты имеешь против. Или, по-твоему, нам не следует создавать в Эль-Модене новых рабочих мест?

– Конечно, следует!

– Вот именно. Новые рабочие места необходимы... Эль-Модена – маленький город, доходы у нас небольшие. Если сюда переедет какая-нибудь крупная фирма, все от этого только выиграют. Пойми, Кевин, нужно считаться с интересами других.

– Городу вполне всего хватает.

– Это что, точка зрения «зеленых»?

– Ну...

– Понятно. Помнится, вы утверждали, что повышение эффективности приведет к увеличению доходов.

– Совершенно верно.

Альфредо прошелся по дорожке до кактусового садика, поднялся на невысокий холмик, с которого открывался вид на равнину. Кевин последовал за мэром.

– Весь вопрос в том, как повысить эффективность, правильно? Мне кажется, здесь не обойтись без помощи крупных фирм. Однако вы... Порой у меня

складывается впечатление, что вы, если вам развязать руки, не задумаетесь уничтожить город. – Он махнул рукой в сторону кактусов. – Назад к полям и лугам, к палаткам на берегу реки...

– Ну-ну, – презрительно пробормотал Кевин. По правде говоря, когда он рушил старые дома, ему частенько грезилось нечто подобное. Очередной возврат к природе. Впрочем, он знал, что это всего лишь фантазия, вроде мальчишеского желания стать индейцем, а потому никогда не делился своими мыслями на сей счет с окружающими. Черт побери, неужели Альфредо видит его насквозь?

– Рано или поздно отрицание приводит к краху. – Альфредо, по-видимому, заметил смятение Кевина. – Согласен, ваше движение сегодня приобрело серьезное влияние, и, поверь, не вижу в том ничего плохого. «Зеленые» приносят немало пользы. Однако любой маятник движется как вперед, так и назад, а вы почему-то пытаетесь задержать его обратный ход. Кевин, теперь, став членом Совета, ты должен смотреть в лицо фактам: люди, которые уговорили тебя занять эту должность, на самом деле – отпетые экстремисты.

– Вообще-то, речь не о них, а о твоей компании, – запинаясь, напомнил Кевин.

– Разве? Хорошо, допустим. «Хиртек» производит медицинское оборудование, физиорастворы и тому подобное. Мы работаем на благо людей, прежде всего тех, кто живет в местностях, где до сих пор не справились с малярией и гепатитом. Ты ведь работал в Танзании, значит, должен представлять, сколько от нас зависит.

– Да знаю я, знаю.

«Хиртек» являлся основой быстро развивавшейся медицинской индустрии округа. Фирма выполняла весьма сложные заказы, однако по количеству работников ничуть не выходила за установленные законом рамки. На ней трудились сотни человек, что означало, что она вносит в бюджет Тастина громадные суммы в качестве налогов; затем эти деньги, естественно, распределялись между горожанами, служа своего рода прибавкой к личным доходам. Кроме того, «Хиртек» поддерживал дочерние предприятия в Африке и Индонезии. В порядочности фирмы сомневаться не приходилось; Альфредо, во всяком случае, не допускал и тени сомнения.

– Послушай, – проговорил мэр, – давай расставим все точки над «и». Как ты думаешь, биотехнология – полезная штука?

– Разумеется, – отозвался Кевин. – Я пользуюсь ею каждый день.

– А медицинские препараты на ее основе каждый день спасают десятки жизней.

– Я знаю.

– Так почему бы Эль-Модене не внести в нее свой вклад?

– Это было бы здорово.

Альфредо молча развел руками. Собеседники посмотрели на кактусы. Кевин, чувствуя себя приблизительно так, словно вновь очутился в Диснейленде, на «Карусели Болванщика»[8 - Персонаж повести Л. Кэрролла (1832–1898) «Алиса в Стране чудес».], попытался собраться с мыслями.

– Вообще-то, какая разница, где именно... Где именно ты собираешься строить, Альфредо?

– Строить что? Извини, я слегка отвлекся и запамятовал, о чем речь.

– О том центре, который ты хочешь построить в Эль-Модене.

– Если бы я замышлял что-либо подобное, то постарался бы подобрать такое местечко, которое наверняка привлекло бы потенциальных арендаторов. Не забывай, у нас хватает конкурентов, взять, к примеру, Ирвин.

Значит, он и впрямь что-то затевает!

– Тебе следовало стать мэром Ирвина, – язвительно заметил Кевин. – Уж там бы ты развернулся.

– Ты хочешь сказать, что они там зашибают деньги? Привлекают фирмы, которые исправно пополняют городской бюджет?

– Точно.

– Так наш городской Совет намерен заняться тем же самым. Если, конечно, ему не будут мешать такие, как ты.

– Я тоже хочу, чтобы у города было больше денег!

– Рад слышать.

– Ладно... Тем не менее... – пробормотал Кевин, шумно вздохнув. Голова шла кругом.

– Мы должны делать то, что можем, правильно?

– Естественно.

– Знаешь, Кевин, по-моему, у нас гораздо больше точек соприкосновения, чем ты думаешь. И ты, и я – мы оба строим.

– Да, но ты губишь дикую природу...

– Не говори глупостей. Во-первых, если уж на то пошло, дикой природы в Эль-Модене попросту не осталось, поэтому не стоит бить себя в грудь. Во-вторых, ближайшие два года нам с тобой предстоит работать бок о бок, поэтому за все, что случится, отвечать будем вместе; следовательно, необходимо единомыслие. Не позволяй своим приятелям делать из тебя марионетку.

– Марионетку из меня пытаются сделать не они, а ты!

– Обидно слышать, Кевин. Давай разберемся. Мы оба строим, оба занимаемся одним и тем же делом. Или ты не считаешь себя строителем?

– Еще как считаю!

– Молодец, – улыбнулся Альфредо. – Увидишь, все будет в порядке. Извини, но мне пора, у меня свидание – между прочим, в Ирвине. – Он подмигнул и

направился к дому.

Дверь захлопнулась с громким щелчком.

Кевин уставился на нее, затем стукнул кулаком по ладони.

– Это совсем другое дело! – крикнул он. – Я занимаюсь восстановлением! Да, мы либо восстанавливаем, либо уничтожаем здание и тут же возводим на его месте новое, куда лучше прежнего. Это совсем другое дело.

Впрочем, доказывать было уже некому.

– Сукин сын, – произнес Кевин и глубоко вздохнул.

Итак, что же он выяснил? Возможно, Альфредо со своими партнерами и впрямь что-то замышляет. Может, да, а может, нет. Возможно, они собираются строить центр в холмах – или где-то еще. Больше ничего узнать не удалось.

Кевин подошел к велосипеду, взялся за руль – и заметил, что у него дрожат руки. Да, Альфредо ему явно не по зубам; такой способен обвести вокруг пальца кого угодно. Раздосадованный на самого себя, Кевин оседлал велосипед и покатил вниз.

Требовалась помощь. Дорис, Оскар, приятельница Оскара из Бишопа, Джин и городская организация «зеленых», Надежда, быть может, даже Рамона... Кевин отогнал шальную мысль; нет, он схватился с Альфредо именно из-за политики, а не из-за чего-то личного.

Все они – и Том.

Вернувшись домой, Кевин спросил у Надежды:

– Ну что, вам по-прежнему хочется повидать моего деда?

* * *

Дед Кевина жил в сельской местности, в холмах к северу от каньона Черная звезда. Надежда и Дорис шагали следом за Кевином вверх по тропинке, что вилась между глыб песчаника, чахлых дубков и зарослей кустарника. Надежду интересовало буквально все: растения, камни, образ жизни Тома... У нее был приятный низкий голос, а английский она выучила в Индии, что сказывалось на произношении – фразы звучали мелодично, словно музыка.

– Том получил свои десять тысяч и переселился сюда. Завел огород, держит цыплят, разводит пчел, иногда охотится. В общем, живет сам по себе, хотя раньше людей не сторонился.

– А что случилось?

– Во-первых, он вышел в отставку. А потом, лет десять назад умерла бабушка.

– Десять лет...

Кевин внимательно посмотрел на Надежду. Рядом с Дорис она казалась изящной, как птица, – стройная, элегантная, словом, на уровне. Неудивительно, что Дорис ею восхищается. Бывший руководитель советского Госплана, ныне историк, лектор учебного центра в Сиэтле...

– Значит, он, нигде не работая, получает десять тысяч долларов в год?

– В его возрасте это вполне возможно. Вы слышали о системе увеличения доходов?

– Которая устанавливает верхний и нижний пределы личных доходов? Разумеется, слышала.

– Так вот, Том превратил верхний предел в нижний.

– У нас существует нечто похожее, – со смехом заметила Надежда. – Помнится, когда этот закон обсуждался, ваш дед яростно его отстаивал. Должно быть, он уже тогда заботился о будущем.

– Безусловно. По правде говоря, когда я был еще мальчишкой, он сам мне в этом признался.

* * *

Они с дедом поехали на велосипедах по каньонам. Вверх по каньону Хардинга, к маленькому водопаду, потом по чудовищно крутым склонам к Седловине и дальше, по разбитой дороге, к двойной вершине. Птицы, ящерицы, пыльные растения, бесконечные разговоры, байки, песчанник, одуряющий запах полыни...

* * *

Они взобрались наверх и увидели дом – небольшое невзрачное строение, что примостилось на скалистом гребне. На тропу выходило широкое окно, в котором, словно в своего рода монокле, отражались облака. Стены дома от времени приобрели оттенок песка, огород зарос сорняками по пояс взрослому человеку, из сорняков торчали полуразрушенные ульи; поодаль виднелись какие-то бочки, ржавые скелеты велосипедов и зачем-то вытащенные наружу напольные часы.

Кевин воспринимал дома как окна в души хозяев. Сейчас он пребывал в некоторой растерянности. С одной стороны, дом гармонировал с пейзажем, прекрасно сочетался со скалистым гребнем, валунами и зарослями полыни. Но этот беспорядок, кучи мусора, явное отсутствие заботы!.. Будто тут живет не человек, а какое-нибудь неразумное животное.

Надежда молча рассматривала дом. Они прошли через огород к парадной двери. Кевин постучал. Тишина.

Кухонная дверь оказалась распахнутой настежь, и гости заглянули внутрь, но никого не обнаружили.

– Вы посидите, подождите, – предложил Кевин, – а я попробую его позвать. – Он обошел дом, сунул в рот пальцы и пронзительно свистнул.

Дорис и Надежда уселись на грубую скамью под сенью высокого ореха. Кевин прошелся по двору, проверил, в порядке ли солнечные батареи, не отошли ли

провода спутниковой антенны. Все в порядке. Он вырвал несколько сорняков, норовивших окончательно задушить помидоры и кабачки. В воздух с жужжанием взвились большие оранжево-черные жуки, затем снова стало тихо, если не считать доносившегося из ульев гудения пчел.

– Эй!

– Господи боже, дед!

– Что стряслось, паренек?

– Как ты меня напугал!

– Неужели?

Том поднялся по той же тропинке, что привела сюда гостей. Он держал в руках капканы и четырех кроликов. До тех пор пока дед не подал голос, Кевин и не подозревал о его присутствии, хотя Том находился буквально в двух шагах.

– Пришел прополоть огород?

– Нет. Я привел Дорис и еще одну знакомую. Мы хотим поговорить с тобой.

Том молча поглядел на внука и нырнул в дом. Послышался стук – гроыхнули брошенные на пол капканы. Когда Том снова вышел наружу, к Кевину уже присоединились Надежда и Дорис. Старик окинул их изучающим взглядом. На нем были поношенные, землистого оттенка брюки и драная голубая футболка, сквозь которую виднелась покрытая сединой грудь. Волосы, обрамлявшие плешь на голове, спутались, серебристо-серая (с золотистым отливом в уголках рта) борода явно нуждалась в стрижке. В общем, обыкновенный, ничем не примечательный старик. Кевин привык видеть его именно таким, привык считать, что пожилые люди и не могут быть другими. Но сейчас он видел рядом с дедом Надежду – изящную, элегантную (седые волосы подстрижены так, что прическа не утрачивает форму даже от ветра). Одна из сережек отливала на солнце бирюзой.

– Я слушаю.

– Дедушка, это подруга Дорис... – Но тут вмешалась Надежда, которая шагнула вперед и протянула руку.

– Надежда Катаева, – представилась она. – Мы с вами когда-то уже встречались. На Сингапурской конференции.

Брови Тома поползли вверх, потом он пожал руку женщины и сразу же отпустил.

– Вы почти не изменились.

– Вы тоже.

Том улыбнулся, ловко обогнул гостей и двинулся вниз по тропинке, в направлении дубовой рощицы, бросив на ходу: «Пошел за водой». Гости переглянулись; Кевин пожал плечами и повел женщин следом за дедом. Вскоре они увидели Тома; стоя в тени дерева, спиной к ним, тот прилаживал ручку к черному насосу. Приладил, принялся размеренно качать. Какое-то время спустя в жестяной желоб под насосом ударила струя воды. Кевин подставил к желобу ведро. Том продолжал качать, словно не замечая гостей.

– Мы хотели обсудить с тобой проблему, которая у нас возникла, – проговорил Кевин, пытаясь сгладить неловкость положения. – Тебе известно, что я теперь – член городского Совета.

Том кивнул.

Кевин вкратце изложил ход событий, затем прибавил:

– Мы не можем сказать наверняка, но, если Альфредо и впрямь нацелился на Рэттлснейк-Хилл, это просто ужасно. В округе ведь практически не осталось незастроенных холмов.

Том прищурился и окинул взглядом окрестности.

– Я имею в виду Эль-Модену. Посмотри на равнину и сам все поймешь. Черт побери, ты же собственными руками сажал деревья на макушке Рэттлснейк-Хилла! Сажал или нет?

– Помогал.

– Значит, тебе все равно?

– Между прочим, холм на заднем дворе твоего дома.

– Да, но...

– Говоришь, ты член Совета?

– Да.

– Так останови Альфредо. Ты знаешь, что делать, и прекрасно справишься без меня.

– Да не справлюсь я! Мы тут с Альфредо пообщались и кончили на том, что я согласился, что белое – это черное.

Том пожал плечами, убрал от желоба полное ведро и поставил пустое. Озадаченный Кевин перенес первое на ровный участок земли и сел рядом.

– Так ты отказываешься помочь?

– Я этим больше не занимаюсь. Теперь твоя очередь, – сообщил Том, дружелюбно поглядев на внука.

Когда наполнилось и второе ведро, Том снял ручку и положил ее возле насоса, затем подхватил оба ведра и двинулся к дому.

– Дай мне хотя бы одно.

– Не надо. С ними хорошо держать равновесие.

* * *

Шагая следом, Кевин разглядывал сутулую спину старика и то и дело недоуменно качал головой. Нет, с дедом явно что-то стряслось. В прежние времена на свете не было человека, если можно так выразиться, более общественного, нежели Том Барнард: он постоянно с кем-то разговаривал, что-то организовывал, ходил с внуком в походы (они добирались до гор Санта-Ана и Сан-Хасинто, возвращались к Анца-Боррего и Джошуа-Три, изучали Каталину, Баху и Южную Сьерру, и рот Тома почти не закрывался, причем рассуждать дед мог о чем угодно). Не будет преувеличением сказать, что свое образование – по крайней мере то, что отложилось в памяти, – Кевин отчасти приобрел благодаря Тому, которого засыпал во время походов вопросами.

– Я ненавижу капитализм потому, что он строился на лжи, – объяснял дед, когда они преодолевали вброд речку, что бежала по дну каньона Хардинга. – Разве не ложь, что люди, каждый из которых преследует собственные интересы, сумеют создать полноценное общество? Грязная ложь! – Плюх! Плюх! – Это была вера для богатых. Ну и куда она их, в конце концов, завела? За что боролись, на то и напоролись!

– Но некоторым нравится быть в одиночестве.

– Разумеется. И от собственных интересов никуда не денешься; те правительства, которые пытались ими пренебречь, обычно садились в лужу. Однако утверждать, что на свете нет ничего важнее собственных интересов, что их ни в коей мере не следует ограничивать, – значит ценить в жизни только деньги. Господи боже! Ну и глупость!

– Но вам удалось с этим справиться, да?

– Точно. С одной стороны, мы поддержали свободное предпринимательство, а с другой – ограничили его и направили на общее благо. Тогда нам казалось, что законы существуют как раз для таких случаев. – Дед рассмеялся. – Учти, паренек: если с умом пользоваться законами, можно устроить революцию. Мы выжимали из них что могли, и большинство одобряло наши действия; против были разве что некоторые богачи, вцепившиеся волчьей хваткой в свое добро. Кстати говоря, эти стычки продолжаются и по сей день и вряд ли когда-нибудь прекратятся.

* * *

Вот именно, думал Кевин, шагая по тропинке за непривычно молчаливым дедом. Борьбе не видно конца, однако Том Барнард решил выйти из игры, чтобы не связываться с молодыми. Быть может, он поступил правильно. Однако им необходима его помощь.

Кевин вздохнул. Они подошли к домику. Том нырнул внутрь, вылил одно ведро воды в чан, а второе выставил на солнце, после чего взял большой нож, кухонную доску и бак для отходов и принялся свежевать кроликов. Замечательно! Лишившись шкур, зверьки оказались неожиданно тощими и весьма похожими в этом отношении на Тома. Кевин отправился кормить цыплят. Когда он вернулся, Том по-прежнему возился с кроликами. Дорис и Надежда сидели на земле под окном кухни. Кевин не нашелся, что сказать.

* * *

– Та конференция, на которой вы встретились, – чему она была посвящена? – спросила Дорис, нарушив затянувшееся молчание.

– Проблемам конверсии, – ответила Надежда.

– То есть?

– Не поможете? – Надежда повернулась к Тому. – Я не настолько хорошо знаю английский, чтобы объяснять подобные вещи.

Том поглядел на нее, встал, подобрал освежеванных кроликов и скрылся в доме. Гости услышали, как открылась, а затем захлопнулась дверца холодильника. Том вышел наружу, вывалил кроличью требуху в мусорный бак и накрыл его крышкой.

– Мы обсуждали, как лучше поступить с военными заводами, – сказала Надежда, пожав плечами. – Экономика крупных стран ориентировалась на военные нужды, и перевести ее, что называется, на мирные рельсы оказалось достаточно сложно. Если уж на то пошло, никто просто-напросто не хотел рисковать. Требовалось разработать конверсионную стратегию. В Сингапуре собралось много народу, как сторонники конверсии, так и ее противники. Помните

генерала Ларсена? – справилась она у Тома. – Генерал ВВС США, глава Отдела стратегической обороны...

– Кажется, помню, – отозвался Барнард.

Он прошел в огород и принялся собирать помидоры. Надежда последовала за ним, подняла с земли корзину, в которую он складывал овощи, и сказала:

– По-моему, из-за таких, как он, конвертировать аэрокосмическую промышленность было труднее всего.

– Может быть.

– Вы считаете иначе?

– Может быть.

– Но почему?

Наступила продолжительная пауза.

– С аэрокосмической промышленностью все упиралось в энергию, – наконец изрек Том. – Но кому нужны танки? Или артиллерийские снаряды?

Снова погрузившись в молчание, он сначала подобрал очередной помидор, а затем осуждающе поглядел на Надежду: мол, чего пристала. Кевин невольно посочувствовал деду.

– Да, с обычным вооружением мы тоже намучились, – согласилась Надежда. – Помните, швейцарцы предлагали переделать бронетранспортеры в грузовики? – Она рассмеялась и даже ткнула Тома локтем в бок. Старик с улыбкой кивнул. – А эти планы переоборудовать заводские цеха под школы?!

Том вежливо улыбнулся, поднялся и направился к дому. Надежда двинулась следом, ни на секунду не переставая говорить. По его примеру она взяла нож и стала резать помидоры, затем пошарила на кухонных полках, нашла специи, подсолнечное масло и уксус (и ни разу не упустила случая либо погладить Тома

по руке, либо пихнуть по-дружески в бок).

– Помните?

– Помню, – ответил старик, не сводя взгляда с женщины.

– Когда инженеры наконец разобрались, что к чему, – продолжала Надежда, обращаясь к Дорис с Кевином, – то буквально вцепились в работу. Судя по их задору, ничего более притягательного на свете просто не существовало. Кстати говоря, все сложилось исключительно удачно. Войн никто не вел, международных конфликтов не возникало, ибо всех интересовало лишь одно – как выжить самим; поэтому спрос на оружие резко упал. Своего рода обратная связь – чем крепче она становилась, тем быстрее менялся мир. – Женщина снова засмеялась.

Чувствовалось, что ее переполняет энергия, которую, как догадывался Кевин, она старалась передать Тому – умаслить его, очаровать, обольстить...

Том, по-прежнему с улыбкой, предложил гостям помидорного салата. Кевин заметил, что старик краешком глаза то и дело поглядывает на Надежду, словно не в силах удержаться.

Обед прошел в молчании. Встав из-за стола, Том взял ведра и двинулся к насосу. Надежда составила ему компанию. По дороге она рассказывала о людях, с которыми они когда-то встречались в Сингапуре.

Дорис и Кевин нежились на солнышке. Время от времени до них доносились голоса из дубовой рощицы. «Но они действовали!» – звонко воскликнула Надежда. Том пробормотал в ответ что-то неразборчивое.

Вскоре Надежда и Барнард возвратились. Женщина снова смеялась, а Том, как и раньше, хранил молчание. Он держался дружелюбно, но несколько отстраненно и очень часто поглядывал на Надежду. Собрал тарелки, взял ведро с водой и направился к мусорному баку.

* * *

Наконец Кевин пожал плечами и жестом дал женщинам понять, что, по его мнению, пора идти.

– Значит, на тебя не рассчитывать? – спросил он, пристально глядя на деда.

– Сами справитесь. – Том улыбнулся и прибавил, обращаясь к Надежде: – Рад был встретиться.

– Взаимно, – отозвалась она с улыбкой, столь призывной, столь личной, что Кевин даже отвернулся. Том поступил точно так же. Надежда попрощалась и первой двинулась по тропинке вниз.

3

23 марта. Карманных утопий на свете не существует.

Почему-то вспоминаются французские аристократы, у которых было все – роскошные одежды, изысканные яства, дома-дворцы, великолепное образование. Какую жизнь они вели! Можно сказать, жили в своей собственной утопии. Но вряд ли кто-то так скажет, ибо нам известно, что достатком они обязаны невежественным крестьянам, что трудились в поте лица. И потому французская аристократия для нас – горстка паразитов, жестоких и слабоумных тиранов.

Но теперь мир экономически превратился в единое целое. Громадная деревня, где на всем стоят марки «Изготовлено в Таиланде». И некоторые наслаждаются роскошью, а большинство по-прежнему изнывает от бесконечных войн, голода и страданий. Некоторые утверждают, что их это не касается, что у них и без того достаточно забот.

Взять хотя бы швейцарцев. Эта страна – своего рода гористый остров, на котором в избытке банков и бомбоубежищ. Одни швейцарцы радушно принимают беженцев из-за границы, а другие не задумываясь вышвыривают тех на улицу. Ничего удивительного, типичное для современных людей шизоидное поведение.

Я провел все утро во Fremdenkontrolle, точнее, в полицейском участке на Гемейндерштрассе. Тихое, стерильное помещение с мраморными полами и столешницами. Полицейский чиновник объяснил на верхненемецком, чтобы я наверняка понял, что все дело в новых законах. Во-первых, я нигде не работаю; во-вторых, въехал в страну по туристической визе; в-третьих, прожил здесь без малого год, что при отсутствии надлежащих документов просто недопустимо. Да, жена может остаться до истечения срока контракта. И дочка тоже.

«Кто за ней будет присматривать?» – хочется мне крикнуть ему в лицо, но я сдерживаюсь. Разумеется, у них все рассчитано заранее. Стоит выдворить из страны одного из членов той или иной семьи, как остальные сами потянутся следом. Просто и эффективно.

Мы сидим за кухонным столом. Памеле нужно отработать в Швейцарии последние семь месяцев, иначе получится, что предыдущие восемь лет, связанные с подготовкой к защите докторской, пошли коту под хвост. В Штатах сейчас трудно отыскать работу даже со степенью, а уж без оной... Лидди, очевидно, мне придется забрать с собой; у Памелы просто не хватит на нее времени. У нас в запасе месяц, а там – разлука на полгода. В принципе, ничего страшного (насколько я знаю, по сравнению с китайскими учеными мы в весьма выгодном положении). Но Лидди совсем маленькая...

«Надо бороться», – говорю я. Памела качает головой, поджимает губы, берет со стола «Геральд трибюн». Южный клуб отказался уплатить долги. Предполагается, что численность населения планеты сократится на двадцать пять процентов, и это считается оптимистическим прогнозом. В Индии и Мексике продолжается гражданская война. Повсюду вырубают леса. Температура окружающей среды понизилась на очередной градус Цельсия. Животные вымирают...

Все это я уже читал.

Памела отшвыривает газету. Я никогда не видел ее такой подавленной. Она встает, принимается мыть посуду – и, похоже, плачет. Полгода, полгода...

Мы – мировая аристократия. Однако нынешняя революция покончит не только с аристократией, но и со всем прочим. Скомканная газета, катастрофа сначала в одной стране, затем в другой, в третьей...

Убежден, ее можно избежать. По крайней мере, чтобы жить дальше, в это необходимо верить.

* * *

Когда умирает душа, на горе не остается сил.

Том встал с кровати, чувствуя себя дряхлым стариком. Этакое ископаемое, ровесник динозавров. Как-никак, ему восемьдесят один, и поддерживать форму помогают разве что лекарства, которые он исправно принимает. Застонав, Том проковылял в ванную, а когда вышел оттуда, на него вновь обрушилось одиночество.

Он распахнул входную дверь и уставился невидящим взором на полынного оттенка солнце. Известное дело, депрессия. Сна ни в одном глазу, ощущения притупились, мышцы одеревенели, и хочется плакать. Впрочем, слезы можно отогнать таблетками, но тогда одеревенеют не только мышцы, а все естество (правда, если вдуматься, это сулит некоторое облегчение, одновременно нагоняя тоску).

Когда умерла жена, он словно сошел с ума. И, будучи безумен, решил, что уже никогда не обретет здравого рассудка. Да и зачем? Какая теперь разница?

Представьте, что бок о бок растут два крепких дерева и одно обвивает ствол другого. Представьте, что первое дерево срубили, а второе оставили, и оно стоит, похожее на штопор, притягивая удивленные взгляды, и тянется ветвями вверх, разыскивая то, что утрачено безвозвратно.

Том остро ощутил свое одиночество. Поговорить не с кем, заняться толком нечем; даже то, что когда-то доставляло удовольствие, сейчас не радует, ибо все поглощено одиночеством, которое проникло повсюду. Оно в солнечном свете и шорохе листьев, оно стало условием безумия Тома Барнарда, его неперенным условием, его основой.

Том стоял в дверном проеме, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Его осаждали шальные мысли. В памяти вдруг возникло знакомое лицо. Неужели он и впрямь прожил такую жизнь? Порой в это было просто невозможно поверить. Ну да, каждое утро он просыпался, чувствуя себя совершенно другим человеком, и всякий раз его угнетали ложные воспоминания о ложном прошлом. Ощущение безмерного одиночества отчасти позволяло справиться с раздробленностью сознания; хотя, быть может, он просто-напросто обречен просыпаться поутру непременно иным существом. Один день – тем Томом Барнардом, которому выпало жить в бурные двадцатые. Другой – ловкачом-юристом, который занимался земельным правом, менял прежние законы на более справедливые, более симпатичные. В ту пору ходило присловье: «Законы что гены: захотел – исправил». Вполне возможно, это чушь, однако в нее верили...

Лицо из прошлого воплощения. Меня зовут Брайди Мэрфи, я говорю по-гэльски. Когда-то я знал русскую красавицу с волосами цвета воронова крыла и умом острым, как скальпель хирурга. Да ты наверняка помнишь. Анастасия. А твой внук – строитель, верно? Что ж, может, мы и правда способны исправить свои гены. Если ты сам просыпаешься каждое утро новым человеком, то с какой стати сын твоей дочери должен напоминать обликом какое-то из предыдущих воплощений? Мы все живем рядом с чужаками, нас разделяют пропасти. Ты никогда не занимался тем, что сейчас тебе вспоминается; с тем же успехом можно утверждать, что ты разводил пчел на пасеке в глубине подвергшегося бомбардировке леса или провел всю жизнь на кровати в родительском доме. Вне сомнения, инкарнации существуют каждая в своей плоскости бытия. В то, что ты сумел объединить две плоскости, слить воедино два мира, просто не верится. Нет, тебе никогда не вернуть рассудок.

Но это лицо!.. Этот резкий голос, в котором постоянно слышится насмешка... Тогда, в Сингапуре, она ему понравилась, он нашел ее привлекательной. Экзотическая особа... Однажды, в молодые годы, они с женой поднялись на Рэттлснейк-Хилл, чтобы полюбоваться закатом и заняться любовью в роще, которую помогали сажать несколько воплощений тому назад, мечтая о детях. Похожая на сильфиду обнаженная женщина стояла в сумерках под деревьями. Призраком былой радости перепрыгивала через десятилетия. Дзинь! Будто вонзилась в дерево стрела. Атласная кожа, смуглая на фоне коры, и вдруг вспыхивает яркая искра, предвосхищение богоявления.

Нельзя допустить, чтобы кто-то осквернил этот холм.

Внутри шевелится ловкач-адвокат Брайди Мэрфи. «Черт побери! Оставь меня в покое!»

Том возвращается в комнату, одевается, смотрит на кровать, садится на нее и плачет. Постепенно плач переходит в смех. «Дерьмо!» – говорит Том и надевает башмаки.

* * *

Он выходит из дома, спускается по тропинке вниз. Сквозь листву, словно выискивая в ней птиц, пробиваются солнечные лучи. Добравшись до дороги, что ведет через каньон Черная звезда, Том садится на велосипед и направляется в сторону Чапмена. Миновав расщелину, в которую нырнула дорога, он поворачивается направо и смотрит на каньон Кроуфорд и на Рэттлснейк-Хилл. Кустарник, кактусы, дубовая рощица, орешник и платаны... Все прочие холмы, которые видно отсюда, давным-давно застроены; над крышами домов возвышаются экзотические деревья. Холмы равняются деньгам, а деньги равняются власти. Однако служба водоснабжения округа Ориндж владела Рэттлснейк-Хиллом задолго до того, как Эль-Модена стала городом, и никому не давала поблажек (она распределяла воду со строгостью, излишней даже по калифорнийским меркам). Но пару лет назад она передала холм городу, поскольку избавлялась от всего, что не касалось ее напрямую. И ныне холм принадлежал Эль-Модене, властям которой и предстояло решить, что с ним делать.

* * *

В окрестностях Чапмена ему встретились Педро Санчес, Эмилия Дойч, Сильвия Уотерс и Джон Смит. «Эй, Том! Том Барнард!» Все как один старые приятели. «У вас тут что-нибудь изменилось?» – справился он, притормозив. Широкие улыбки, дружеская трепотня. Нет, все по-прежнему – во всяком случае, так кажется, – если не считать старины Тома. «Я ищу Кевина». «Они играют на Эспланаде», – сообщил Педро. Приглашения в гости, веселые «счастливо!». Том покатил дальше, чувствуя себя не в своей тарелке. Когда-то это был его город, его друзья.

Матч на Эспланаде был в самом разгаре. Тому показалось, что он не может не остановиться (в дерево – то, что внутри, – снова вонзилась стрела).

На пригорке, в тылу «Лобос», расположилась Надежда Катаева. Компанию ей составлял высокий толстяк, с которым они над чем-то смеялись. Том судорожно сглотнул, сердце бешено заколотилось. Как жаль, что он разучился вести светские беседы! Сожаление накатило волной, дерево внутри будто закачалось и поплыло. Сожаление или...

Том подъехал к пригорку. Толстяк оказался новым городским прокурором, и звали его Оскар. Они с Надеждой определяли, на кого из кинозвезд похож тот или иной игрок. Женщина заявила, что Рамона напоминает Ингрид Бергман; по мнению же Оскара, она сильнее всего смахивала на Белинду Брав.

– Рамона куда симпатичнее, – пробормотал Том и слегка удивился, когда его собеседники рассмеялись.

– А я на кого похож? – спросил Оскар у Надежды.

– Гм... Может быть, на Зиро Мостела?

– Да, в дипломатичности вам не откажешь.

– А как насчет Кевина? – поинтересовался Том.

– Норман Рокуэлл[9 - Норман Рокуэлл (1894–1970) – американский художник-иллюстратор.], – откликнулась Надежда. – Весь из себя.

– Это же не кинозвезда!

– Какая разница?

– Нечто среднее между Лайлом Симсом и Джимом Нейборсом, – вмешался Оскар.

– Помеси не допускаются, – возразила Надежда. – Один из «Маленьких негодников».

Кевин пошел принимать в первую зону, взмахнул битой и отправил мяч далеко в поле. К тому времени когда мяч вернули, он уже переместился к третьей и с усмешкой взирал на происходящее, причем усмехался, что называется, от уха до уха.

– Большой ребенок, – заметила Надежда.

– Девяти лет, – подтвердил Том, приложил ладони ко рту и крикнул: – Отличный удар! – Он действовал машинально. Инстинктивно. Попросту не мог удержаться. Вот что значит исправлять гены.

Кевин повернулся, увидел деда, улыбнулся и помахал рукой.

– Вот уж точно – маленький негодник, – проговорила Надежда.

* * *

Они продолжали наблюдать за игрой. Оскар улегся на траву, провел пухлой ладонью по земле, взглянул на облака. С моря задувал ветерок, поэтому жарко не было. Увидев Тома, проезжавшая мимо пригорка на велосипеде Фрэн Кратовил остановилась, подошла и тепло поздоровалась с Барнардом. Ее лицо выражало приятное удивление. Они мило поболтали, как и положено старым друзьям, и Фрэн укатила.

Снова настала очередь Кевина принимать подачу, и снова он нанес мощный удар.

– Молодец, – похвалил Том.

– Тысячу выбьет, – заметил Оскар.

– Точно.

– Вы о чем? – не поняла Надежда. Ей объяснили правила игры.

– Какой шикарный у него замах, – сказала женщина.

– Да уж, – согласился Том. – Не бита, а плетка...

– То есть?

– У Кевина крепкие руки, – пояснил Оскар. – Он действует настолько быстро, что кажется, будто бита слегка изгибается на лету.

– Но при чем тут плетка?

– Потому что движения биты напоминают именно плетку, а не, скажем, пастушеский кнут, – слегка смущаясь, отозвался Том. – Забавно... По-моему, плетки никто давным-давно в глаза не видел, а сравнение осталось.

Теперь принимала команда-соперник. Возникла суматоха.

– Утки на пруду! – раздался чей-то крик.

– Утки на пруду? – переспросила Надежда.

– Это означает, что есть шанс набрать очки, – объяснил Оскар. – Выражение из лексикона охотников.

– А разве охотники стреляют уток на воде?

– Гм-м, – промычал Том.

– Может быть, очки набрать легче, нежели подстрелить уток в воздухе? – предположил Оскар.

– Не знаю, – ответил Том. – Все зависит от твоих способностей. Кто не успел, тот опоздал.

– Время! – крикнул кто-то из игроков.

* * *

Тут появилась возбужденная Дорис.

– Привет, Том! – воскликнула она. – Я была в мэрии, проверила документацию по градостроительству. Знаете, что я нашла? Предложение по перепланировке Рэттлснейк-Хилла!

– А вы не запомнили, как изменился коэффициент? – спросил Оскар.

– С пяти целых четырех десятых до трех целых двух десятых, – ответила Дорис, смерив прокурора взглядом. Мужчины задумались.

– Что это значит? – поинтересовалась Надежда.

– Пять и четыре десятых – маркер открытого пространства, – сказал Оскар. Он сменил положение и теперь лежал, подперев голову рукой. – А три и две означает возможность коммерческого использования. Любопытно, какую территорию они собираются перепланировать?

– Сто тридцать гектаров! – Дорис, по-видимому, сильно задело то, что Оскар не проявил ни малейшей озабоченности, только любопытство. – Всю территорию, которая принадлежала раньше службе водоснабжения и которую, я надеялась, мы присоединим к парку Сантьяго-Крик. Они наверняка попытаются протащить свой проект под видом стандартного предложения на перепланировку.

– Если так, Альфредо свалит изрядного дурака, – проговорил Том. – Истина быстро выплывет наружу.

Оскар согласился. Даже для того, чтобы изменить маркер территории, требуется заключение комиссии по охране окружающей среды и одобрение городского Совета, причем получить последнее не так-то просто; подобным же образом должен решаться и вопрос об увеличении нормы воды, выделяемой городу.

– Разумнее всего, – продолжал Том, – было бы поделиться своими планами насчет холма, а когда их одобряют, поискать подходящие законы.

– Такое впечатление... – начал Оскар.

– Что у Альфредо на уме именно это, – перебил Том. – В том-то и дело. Необходимо выяснить, почему он начал с законов. Вполне вероятно, если поискать, обнаружится кое-что интересное. – Старик посмотрел на Оскара и Дорис. Оскар вновь лег на спину, а Дорис, метнув на прокурора испепеляющий взгляд, вскочила на свой велосипед и покатила прочь.

* * *

Когда игра закончилась, Оскар вновь принялся за работу, а Надежда попросила Тома показать ей холм, из-за которого ломаются копыя. По дороге они миновали дом Кевина и Дорис, прошли через сад и очутились у подножия холма, в роще авокадо, что занимала часть склона.

– Прибыли. Налево каньон Кроуфорд, а перед нами Рэттлснейк-Хилл.

– Я так и думала. Он и впрямь на заднем дворе Кевина.

В роще им встретился Рафаэл Джонс, еще один давний знакомый Барнарда.

– Привет, Том! Как делишки?

– Отлично, Раф.

– Мы с тобой не виделись сто лет. Что это ты вдруг к нам пожаловал? – Том показал на Надежду, и все рассмеялись. – Понятно, – сказал Рафаэл. – Она и у нас все перевернула вверх дном.

Он имел в виду дом, в котором жили Кевин и Дорис и старейшиной которого являлся. Вспомнив, что Рафаэл – садовник, Том поинтересовался, все ли в порядке с авокадо, задал еще пару-тройку вопросов, а затем, чувствуя, что выдохся, ткнул пальцем вверх и сказал:

– Мы идем на вершину.

– Валяйте. Рад был встретиться, Том. Как-нибудь заглядывай в гости.

Том кивнул и жестом пригласил Надежду идти вперед. Вскоре растительность внезапно поменяла цвет, превратилась из зеленой в красно-коричневую. Стоял май, что для Южной Калифорнии означало позднее лето, пору золотистых холмов. Том с запинкой объяснил, что весна здесь наступает в ноябре и длится до февраля; тогда все цветет и почти не переставая льют дожди. Лето же начинается в марте и заканчивается в мае, а засушливая осень с ее темными красками тянется с июня по октябрь. Для зимы времени толком и не остается, о чем, впрочем, жалеть не приходится.

Да, подумалось ему, он на деле забыл, как разговаривать с людьми.

Они шагали по тропинке, что вилась меж карликовых дубов, зарослей мака, полыни, попадавших тут и там кактусов. В воздухе витали бесчисленные ароматы, среди которых, перебивая остальные, выделялся резкий запах полыни. Почва, изобиловавшая песчаником, имела светло-коричневый оттенок. Том остановился, огляделся по сторонам, высматривая окаменелости, но ничего не обнаружил, хотя раньше, сообщил он Надежде, их тут хватало – моллюсков, громадных клыков, зубов животного под названием десмостилиан, единственного в своем роде существа, этаким помеси бегемота с моржом. Чего здесь только не находили!

Порой из кустарника вспархивали фазаны, срывались с веток вороны. Время от времени из травы доносился шорох – то удирали напуганные приближением людей маленькие зверьки. Солнце припекало.

Они вышли на плоский гребень, с которого поднялись на вершину холма. Там было прохладно – ощущался ветерок. Том провел Надежду к самой высокой точке вершины, и они уселись на землю в тени платана.

Надежда почти сразу легла и вытянулась во весь рост. Том какое-то время обзревал окрестности. Над равниной висела дымка. С вершины были видны стадион в Анахайме, здание больницы в Санта-Ане, диснейлендовский пик Матгерхорн. У подножия холма нежилась на солнышке Эль-Модена, похожая сейчас на свою тезку в Тоскане.

Чуть погодя Том принялся расспрашивать Надежду о ее жизни, стараясь не обращать внимания на населявших рощу на вершине холма призраков (смеющаяся молодая пара, школьники, сажающие деревья...).

Она сказала, что родилась в Севастополе, но домом считает Индию, в которой прожила много лет и откуда вернулась в Москву.

– Уезжать было очень тяжело.

– Привыкли?

– Индия способна изменить любого, кто в нее приезжает, если он пробудет там достаточно долго и не станет отгораживаться. Столько людей... Только в Индии я поняла, что такое проблема перенаселенности. Я попала туда в двадцать четыре года и сразу принялась действовать.

– Но потом уехали в Москву.

– Увы. По сравнению с Индией Москва, конечно, ничто. Мое правительство занимало по отношению к Индии весьма странную позицию. Те, кто возвращался оттуда, вдруг понимали, что дома их работа никому не нужна, что они – лишние. Неприкасаемые. – Надежда засмеялась.

– Несмотря на то что вы столько всего сделали...

– А могли бы сделать гораздо больше.

Некоторое время они молчали. Надежда подобрала ветку, пошевелила палую листву. Том наблюдал за ее руками. Тонкие, изящные, с длинными пальцами.

Он вновь почувствовал себя старым, толстым и неуклюжим. Держись, приятель, держись, как бы тяжело ни было. Надежда заговорила про Сингапур, и Том словно перенесся на много лет назад. Она была одним из сопредседателей конференции. Да, они тогда встречались в баре, бродили по людным, душным, поражающим буйством красок сингапурским улицам, обсуждали, с грехом пополам преодолевая языковой барьер, стратегию конверсии. Том поделился с Надеждой своими воспоминаниями; женщина засмеялась таким знакомым

смехом. Азиатское лицо – нос с горбинкой, властные черты. Казацкая кровь. Степи, Туркестан, бескрайние просторы Центральной Азии. Тогда она одевалась по-сингапурски, но не упускала возможности, как, кстати, и сейчас, дополнить костюм какой-нибудь индийской вещицей – шалью или украшением.

Барнард спросил, что было дальше.

– Ничего особенного. Я жила и работала в Москве.

Первого мужа Надежды послали в Казахстан, и она вместе с ним изучала экономику региона, пока он не погиб во время беспорядков на национальной почве. Вернулась в Москву, снова уехала в Индию, где познакомилась со вторым мужем, грузином, который там работал. Затем Киев и вновь Москва. Отправились в отпуск на Черное море, ныряли с аквалангами; муж неожиданно умер – сердечный приступ. Дети? Сын в Москве и две дочери в Киеве.

– А у вас?

– Моя дочь вместе с мужем, отцом Кевина, довольно давно улетела в космос. Они там монтируют солнечные батареи. А сын погиб в автокатастрофе.

– Понятно.

– У Кевина есть сестра, Джилл. Она живет в Бангладеш.

– А у меня пятеро внуков, да через месяц появится шестой. – Надежда снова рассмеялась. – Признаться, я их навещаю не так уж часто.

Том пробормотал что-то неразборчивое. Джилл он не видел около года, а ее мать – целых пять лет. Такие настали времена: люди постоянно переезжают с места на место, предпочитая общаться по видеофону. Барнард поднял голову, посмотрел сквозь листву на солнце, моргнул. Значит, Надежда похоронила двоих мужей. И сидит себе, смеется, точно маленькая девочка, складывает узоры из веток и палой листвы... Странная штука жизнь.

* * *

Спустившись с холма, они направились к дому, в котором жили Кевин и Дорис. На небе полыхал абрикосовый закат, в пламени которого дом светился будто огромная лампочка. Том с Надеждой вошли внутрь – и, как оказалось, явились к ужину. По коридорам с криками носились ребятишки. В здании обитало шестнадцать человек; невольно складывалось впечатление, что большинство из них составляют дети, хотя на самом деле тех было всего пятеро. Рафаэл и Андреа искренне обрадовались Тому; в незапамятные времена они вместе работали над уставом Эль-Модены, но сколько с тех пор утекло воды... На столе немедленно возник чайный сервиз, детям велели пригласить всех, кто сейчас дома. Пришли Йоши и Боб (они когда-то учили Кевина), Сильвия и Сэм, Донна и Синди; отказался лишь Томас, который объяснил, что очень занят. Суета, суета; Барнард даже слегка растерялся. Нет, он не смог бы жить в таком муравейнике – ни раньше, ни теперь, когда на него снизошло великое одиночество. Разумеется, дом большой, а подобные встречи наверняка случаются не часто, но все же, все же...

После ужина Том налил себе и Надежде кофе, и они вышли к бассейну, вокруг которого были расставлены кресла. Над ними слегка подрагивал на ветру прозрачный полог, из кухни доносились голоса и звон посуды.

Сквозь полог виднелись звезды. Здание было выстроено в форме подковы, внутри которой и располагался бассейн. Отсюда открывался вид на город с его огнями, напоминавшими фонари рыбацких лодок.

Хлопнула входная дверь, кто-то пробежал по коридору.

– Где мой ужин? – раздался голос Дорис.

Минут пятнадцать спустя появился довольный Кевин. Сказал, что после игры летал с Рамоной на планере, а потом они вместе пообедали...

Дорис вернула его на землю, рассказав о предложении, которое обнаружила в мэрии.

– Они явно нацелились на Рэттлснейк-Хилл.

– Шутишь? – пробормотал Кевин и упал в кресло. – Мерзавцы!

- Стычки не избежать, – угрюмо предрекла Дорис.
- Естественно.
- Положение хуже, чем ты думаешь.
- Если тебе от этого легче, можешь считать, что оно аховое.
- Я всего лишь трезво смотрю на вещи.
- Ладно, не злись. – Молодые люди отправились на кухню.
- Черт побери! – воскликнула Дорис. – Кто сожрал наши порции?!
- Порой мне кажется, – со смешком заметила Надежда, обращаясь к Тому, – что Дорис не отказалась бы заново сойтись с Кевином.
- Заново?
- Ну да. Вы разве не знаете, что они были близки?
- Впервые слышу.
- Не то чтобы очень; да и вообще, дело давнее. Оба как раз переехали сюда – и чуть было не поселились в одной комнате. Дорис рассказала мне обо всем, когда работала у меня. По-моему, она до сих пор влюблена в Кевина, хотя он явно к ней охладел.
- И как я не заметил? – проговорил Том. Впрочем, что он мог заметить в своей глуши? – Ведь она не сводит с него глаз.
- Да. Но у Кевина появилась Рамона.
- Та, с которой он летал? Помнится, она была подружкой Альфредо.

Надежда поделилась с собеседником последними городскими новостями. В ее словах чувствовался неподдельный интерес ко всему, что происходит в Эль-Модене. Том словно заразился этим интересом; внезапно ему захотелось, что называется, слиться с реальностью.

– Понятно, – проговорил он, удивляясь самому себе. Сидит у бассейна, слушает азиатскую красавицу, что пересказывает городские сплетни...

Они какое-то время молча глядели на звезды, потом Надежда спросила:

– Может, переночуете у нас? Свободная комната наверняка найдется.

Том покачал головой:

– Я предпочитаю спать дома. Еще немножко посижу – и вперед.

– Ясно. Если не возражаете, я пойду...

– Конечно-конечно.

– Спасибо за прогулку. Холм просто замечательный, его нельзя застраивать.

– Честно говоря, я сам с удовольствием на нем побывал.

Надежда поднялась по лестнице на второй этаж и прошла по балкону в южное крыло здания, где находились комнаты для гостей. Том проводил ее взглядом. Мыслей в голове не было, зато чувства буквально переполняли душу. Скрип дерева... Как давно у него не было такого вечера. До чего же странно... Словно по ночам, пока он спал, проходили десятки лет и каждое утро мир целиком и полностью изменялся. Этот голос, этот смех, который он слышал на улицах Сингапура, – неужели все было на самом деле? Неужели происходило именно с ним? Невозможно поверить, однако...

Снова пропасть – между тем, что кажется правдой, и тем, что является ею. Воплощения, из которых состоит жизнь...

Том встал. Пора ехать. Путь неблизкий; вдобавок очень хочется оказаться дома. Пожалуй, сейчас это просто необходимо.

* * *

Неделю или две стояла теплая погода. Влажность держалась высокая, в воздухе ощущалось некое напряжение, как будто в нем накапливалось статическое электричество. Казалось, со стороны Санта-Аны вот-вот подует ветер, который опрокинет Эль-Модену в море.

Том Барнард больше в городе не появлялся, поэтому Надежда навещала его сама, и постепенно это вошло у нее в привычку. Порой Том оказывался дома, порой отсутствовал. Встречаясь, они разговаривали обо всем на свете, причем разговор то обрывался, то начинался снова; если Надежда не заставала Тома, она шла в огород. Однажды, поднимаясь по тропинке, она заметила, как Барнард выскользнул из своей хибарки и скрылся за деревьями. Должно быть, подумалось ей, он просто отвык общаться с людьми; нужно дать ему отдохнуть. Надежда стала проводить дни с Дорис, Кевином, Оскаром, Рафаэлем, Андреа или с кем-то еще, и как-то вечером после ужина Том заглянул к ней сам. Они выпили кофе, поболтали час-другой, а затем он укатил обратно.

Отношения Кевина с Рамоной складывались иначе: раз в несколько дней они встречались после работы, чтобы полетать на глайдере и, может быть, вместе поужинать. Во время полета они рассказывали друг другу о своей работе или говорили о всяких пустяках. Кевин, неожиданно для себя, научился избегать некоторых тем; обычно он предоставлял выбор темы Рамоне, а сам поддерживал беседу. Он словно приобрел такт, получил то, чем никогда не обладал, поскольку до сих пор попросту не обращал внимания на людей, с которыми ему приходилось иметь дело. Но теперь все изменилось – благодаря ощущению, испытанному в первом полете с Рамоной. Каждый полет становился для Кевина грандиозным приключением, важнейшим событием дня. Свободно парить в воздухе, чувствовать, как тебя подхватывает ветер, видеть под собой, будто на карте, землю!...

Кроме того, как было здорово работать вдвоем, бок о бок, крутить педали в одном ритме с партнером. Физическая близость, то новое, что они узнавали о характерах друг друга в моменты усталости, постоянное напоминание о грубой реальности с ее животными инстинктами... плюс игра в одной команде, плюс

утреннее купание в компании приятелей... Словом, они достаточно хорошо узнали друг друга.

Усевшись на сиденье глайдера, они принимались бешено крутить педали и взмывали в воздух. Показывали вниз, говорили о том, что видели вокруг.

– Смотри, вороны, – произносил, к примеру, Кевин, тыча пальцем в сторону скопища черных точек под ногами.

– Гангстеры, – отзывалась Рамона.

– Нет, мне вороны нравятся. Чего смеешься? Да, вид у них не слишком привлекательный, зато как они летают!

– Хозяева неба.

– Точно! – В округе Ориндж насчитывались тысячи ворон, которые летали огромными стаями, уничтожая плоды в многочисленных садах. – Мне нравятся их хриплые голоса, отлив перьев, хитринка в глазах, когда они смотрят на тебя... – Кевин выкладывал все, что только приходило в голову, наслаждаясь собственной импровизацией. – А как они подпрыгивают на месте! Вроде бы такие неуклюжие, а на деле... Нет, я обожаю ворон!

Рамона хохотала, а Кевин не заговаривал ни о чем другом, инстинктивно догадываясь, что этого делать не следует. И они летали по небу, изящно, как чайки, этакие небесные дервиши; на лице и на всем теле выступал пот, который быстро высыхал, оставляя на коже белые полосы. Сердце Кевина переполняли эмоции, однако он сдерживал себя, ибо что-то подсказывало ему, как именно следует себя вести.

Итак, отныне большая, основная часть его жизни проходила на высоте двести-триста футов над землей.

Разумеется, он участвовал в работе городского Совета, что отнимало довольно много времени, однако не слишком ею интересовался. Все ждали следующего шага Альфредо и попутно пытались разузнать истинные побуждения мэра. У Дорис нашелся приятель, сотрудник финансового отдела той компании, где она

работала, а у того – знакомый бухгалтер из «Хиртека», и теперь Дорис осторожно выясняла, о чем говорят и что планируют в фирме Альфредо. Слухи, естественно, ходили всякие. Чтобы узнать, можно ли им верить, Дорис сошлась достаточно близко с хиртековским бухгалтером и, притворяясь необразованной провинциалкой, засыпала его за ужинами, на которые тот ее приглашал, градом вопросов.

А затем в повестке дня одного из заседаний Совета появилось предложение о перепланировке, которое, в частности, предусматривало постройку нового канала.

В отличие от заседания, на котором представляли новых членов Совета, это проходило в куда менее торжественной обстановке. Народу было немного, в помещении царил полумрак. Кевин и Дорис, словно охотники из засады, настороженно наблюдали за Альфредо, который с привычной раскованностью вел заседание, время от времени оживляя его ход шутками и репликами «в сторону». Наконец он добрался до двенадцатого пункта.

– Ладно, пора заняться делом. Итак, предложение о перепланировке.

Некоторые из присутствовавших рассмеялись, будто мэр отпустил очередную шутку. Кевин подался вперед, облокотился на стол. Но первой высказалась Дорис, которая, по-видимому, заметила, что Кевин стиснул кулаки, и испугалась, что он сорвется.

– Альфредо, что означает изменение маркера для каньона Кроуфорд?

– Оно затрагивает старый канал и окрестности до Ориндж-Хилла.

– То есть Рэттлснейк-Хилл, так? – бросила Дорис.

– На картах у него названия нет.

– Но кому понадобилось менять коэффициент? Ведь эту территорию предполагалось присоединить к парку Сантьяго.

– Конкретного решения принято не было.

– Если ты дашь себе труд вспомнить заседание, на котором обсуждалось будущее каньона Кроуфорд, то поймешь, что ошибаешься.

– Я не помню, о чем тогда шла речь. Во всяком случае, никаких планов мы не составляли.

– Три целых две десятых вместо пяти целых четырех десятых – солидный скачок, – заметил Джерри Гейгер.

– Вот именно! – откликнулся Кевин. – Он означает, что на данной территории разрешена коммерческая застройка. Разве не так, Альфредо?

– Комиссия по землеустройству сочла возможным использовать эту территорию в качестве запасного варианта для осуществления различных проектов. Правильно, Мэри?

– Коэффициент три целых две десятых присваивается территориям общего назначения, – отозвалась Мэри, сверившись со своими бумагами.

– На которых можно строить что угодно! – воскликнул Кевин. Он явно утрачивал выдержку. Дорис нахмурилась, попыталась перехватить инициативу.

– То есть разрешается коммерческая застройка? – уточнила она.

– В принципе – да, – ответила Мэри, – однако...

– Это последний незастроенный холм в Эль-Модене! – произнес Кевин, лицо которого побагровело от ярости.

– Не горячись, – ровным голосом проговорил Альфредо. – Мы знаем, что Рэттлснейк-Хилл находится рядом с твоим домом, но на благо города...

– При чем тут мой дом?! – крикнул Кевин и отодвинулся от стола, словно собираясь встать. – Какого черта? Что ты пудришь нам мозги?!

Наступила тишина; кто-то прицокнул языком. Дорис пихнула Кевина локтем в бок, наступила ему на ногу. Он озадаченно воззрился на нее.

– По-моему, подобные предложения должны сначала рассматриваться комиссией по охране окружающей среды, – сказала Дорис.

– Для перепланировки одобрения КОС не требуется, – возразил Альфредо.

– Оскар, это так? – поинтересовалась Дорис. Похожий на сонного Будду, Оскар утвердительно кивнул:

– Нужен специальный запрос.

– Считайте, что он сделан, – заявил Кевин. – Хватит водить нас за нос.

– Поддерживаю, – откликнулась Дорис. – Кстати, я хочу кое-что уточнить. Кто именно внес предложение о перепланировке и на каком основании?

Установилось напряженное, выжидательное молчание. Наконец Альфредо произнес:

– Как уже сказал Кевин, данная территория включает в себя один из последних незастроенных холмов в окрестностях города. Поэтому она представляет большую ценность. Я полагал, что, отказав в праве застройки частным лицам, мы тем самым как бы обещаем использовать эту землю на благо всех горожан. Но если ее планируется присоединить к парку Сантьяго – что ж, мне остается только порадоваться за парк и за тех, кто живет поблизости...

Кевин заерзал на стуле.

– Мы все живем поблизости, – вмешалась Дорис, стукнув Кевина по колену, и пожалела про себя, что у нее нет под рукой чего-нибудь вроде шила.

– Разумеется, – согласился Альфредо. – Хотя одни ближе к парку, чем другие, все мы в принципе живем по соседству. Так вот, эта территория представляет ценность для всех, потому-то мы с Мэттом подумали, что нас поддержат, если мы предложим использовать ее на благо города.

– Что вы планируете конкретно? – неожиданно справился Джерри.

– Ничего. Мы просто предлагаем вместе подумать.

– А нет ли тут связи с запросом на увеличение нормы воды? – Джерри, похоже, заинтересовался всерьез.

– Ну если мы получим эту воду... – Альфредо не закончил фразу. Вместо него ответил Мэтт:

– Вот если мы получим эту воду и разрешение на коммерческую застройку, тогда и можно будет что-то обсуждать.

– А сейчас мы, значит, ничего не обсуждаем? – В голосе Джерри прозвучали саркастические нотки (впрочем, понять, когда он говорит серьезно, а когда насмехается, было довольно затруднительно).

– Совершенно верно. Мы просто предлагаем. Но...

– Понятно, что ничего нельзя сделать, пока не существует инфраструктуры. Однако наша работа в том и состоит, чтобы обеспечить возможность ее создания.

– Ради чего?! – воскликнул Кевин, убирая ногу, на которую вновь попыталась наступить Дорис. – Сначала ты предлагаешь увеличить норму воды – под предлогом экономии средств. Затем, ничего не объясняя, вносишь предложение о перепланировке, а когда у тебя требуют объяснений, принимаешься рассуждать о каких-то там возможностях. Я хочу знать, чего ты добиваешься на самом деле и почему ведешь нечестную игру!

Во взгляде, который Альфредо бросил на Кевина, читалась ненависть. Впрочем, мэр мгновенно овладел собой, отвернулся и произнес слегка насмешливым тоном:

– Я повторяю наше предложение, вынесенное на обсуждение городского Совета: мы заинтересованы в перепланировке вышеназванной территории и последующем ее использовании. На данный момент коэффициент составляет пять целых четыре десятых, что означает свободное пространство и не более того...

– И менять его нельзя ни в коем случае! – перебил Кевин, едва не сорвавшись на крик.

– Кевин, я не уверен, что остальные члены Совета придерживаются того же мнения, кроме того, у меня есть право высказывать свою точку зрения. Или ты считаешь иначе?

– Можешь предлагать что угодно, – отозвался Кевин, махнув рукой, – но пока ты не объяснишь, что конкретно намерен делать, твоё предложение не может обсуждаться. И перестань крутить, Альфредо. Кстати, ты так и не ответил на мой вопрос.

Дорис прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Похоже, иногда и впрямь стоит переть не разбирая дороги. Настойчивость Кевина, пускай на долю секунды, лишила Альфредо самообладания. Вон он – до сих пор никак не сообразит, что же сказать.

– Я не ответил на твой вопрос потому, – проговорил наконец мэр, – что на него невозможно ответить. Мы не строили конкретных планов – всего лишь предложили обсудить идею, которая могла бы оказаться плодотворной. Но без перепланировки рассматривать вопрос об использовании этой территории не имеет смысла. Вот почему мы внесли предложение о перепланировке в повестку дня.

– Мы хотим получить заключение КОС, – сказала Дорис. – Очевидно, в сложившейся ситуации оно просто необходимо. Может, проголосуем?

Члены Совета единогласно проголосовали за то, чтобы передать предложение о перепланировке на рассмотрение КОС.

– Замечательно, – подытожил с улыбкой Альфредо. – На том и закончим.

Однако взгляд, которым он окинул сидевших за столом, никак нельзя было назвать дружелюбным. Губы Дорис сами собой растянулись в усмешке. Все-таки они его достали!

* * *

Несколько дней спустя «Лобос» впервые в сезоне играли с «Вэнгардом». Подавал Альфредо, принимал Кевин, который с первого взгляда понял, что ему сегодня придется нелегко. Заседания Совета, полеты с Рамоной (если Альфредо и не видел их вдвоем собственными глазами, уж слухи-то до него доходили наверняка...). В общем, поводов для мести у Альфредо было предостаточно.

Вдобавок он был весьма неплохим питчером. Разумеется, правила в софтболе слегка отличаются от чисто бейсбольных, и питчеру незачем выбивать принимающего с поля; но отсюда вовсе не следует, что подобное не может произойти. Если питчер запустит мяч по высокой дуге в направлении задней линии, отбить его будет чертовски трудно. А Альфредо как раз специалист по таким броскам. Плюс психологический фактор – манеры такого питчера-супермена, снисходительная ухмылочка, которая словно говорила: «Все равно промахнешься». Для софтбольного питчера Альфредо выглядел достаточно нелепо, однако все же ухитрялся производить на соперника нужное впечатление.

Он с усмешкой поглядел на Кевина, будто не узнавая того и одновременно как бы выделяя из общей массы. Затем бросил – так высоко, что Кевин решил вовсе не отбивать мяч.

К его великому сожалению, тот упал точно посередине зоны. Очко! А по правилам их лиги, если принимающий проиграл оба очка, он выбывает из игры.

Альфредо усмехнулся шире прежнего и запустил мяч еще выше, чем первый. Кевин остался стоять на месте. Мяч резко нырнул вниз, но Кевин оказался начеку и достал его. Один – один.

Третья попытка. Альфредо вновь запустил мяч по той же высокой дуге, разве что чуть-чуть в сторону. Внезапно Кевин запаниковал, решил, что обязательно промахнется, взмахнул битой – и удивился, пожалуй, сильнее всех, когда увидел, как мяч от удара, в который он от отчаяния вложил все силы, перелетел на правую половину поля. Есть! Кевин подбежал ко второй лунке, улыбнулся партнерам, которые подбадривали его громкими криками. Альфредо, естественно, и не подумал повернуться. Кевин засмеялся ему в спину.

* * *

Кевин выручал партнеров еще дважды. Альфредо, которого принялись осыпать насмешками, изрядно разозлился и стал подгонять товарищей по команде, срывая на них свое раздражение. Что касается «Лобоса», в этот день везло не только Кевину, но и всем остальным: мячи ложились точно в цель, и к последней подаче счет был девять – четыре в пользу команды Кевина. Альфредо встал на первую лунку; ему удалось отбить мяч, и тот очутился в зоне противника.

Следующей принимала Жюли Хэнсон, которая нанесла мощный удар, и мяч просвистел над головой Кевина. Тот внезапно испытал странное чувство: он ощущал себя непосредственным участником происходящего и одновременно как бы наблюдал за всем со стороны. Подбежавший Майк отбил мяч, Альфредо, которого явно переполняли эмоции, обогнул вторую лунку и устремился к третьей, Майк бросил мяч партнеру – то есть ему... Кевин приготовился к удару. Мяч неожиданно вильнул вправо, Кевин прыгнул наперехват, и в тот самый миг, когда достал резиновый снаряд, в него с разбега врезался Альфредо.

Кевин полетел вверх тормашками. Какое-то время спустя он пришел в себя, потряс головой и обнаружил, что стоит на четвереньках в зоне противника, сжимая в перчатке пойманный мяч. Оглянулся на Фреда Сполдинга: тот поднял палец – мол, вне игры. Судью окружали игроки и зрители, что-то горячо ему доказывавшие. Альфредо, который стоял у третьей лунки, громко кричал на Фреда.

Кто-то помог Кевину подняться. Он переложил мяч в другую руку, приблизился к Альфредо, который поглядел на него с некоторой опаской, и, сам не зная, с какой стати, кинул мяч тому в грудь. «Выбыл», – хрипло проговорил он, подивившись про себя, как странно звучит его голос.

Едва он отвернулся, его схватили за руку. Заметив краем глаза некое движение, Кевин замахнулся и врезал Альфредо по уху чуть ли не в то самое мгновение, когда кулак мэра разбил ему губу. От удара он не устоял на ногах и упал, а затем они с Альфредо покатались по земле. Мэр выкрикивал оскорбления, Кевин изрыгал проклятия и пытался высвободить руку, чтобы ударить снова. Фред требовал прекратить безобразие; Майк, Дорис, Рамона и другие принялись растаскивать драчунов. В конечном итоге им это удалось. Кевин прикинул, что мог бы без особого труда вырваться, но не стал: ведь его удерживали друзья, которых ни в коем случае не следовало обижать. Альфредо, которого тоже крепко держали, свирепо поглядел на Кевина и что-то крикнул Фреду. В ушах

звенело, слов было не разобрать, но вдруг сквозь какофонию донесся голос Рамоны: «Что ты себе позволяешь?!» Кевин даже оглянулся, испугавшись, что Рамона кричит на него. Но та обращалась к Альфредо, на которого смотрела как на заклятого врага. Интересно, подумалось Кевину, куда я ударил? В правой руке до сих пор пульсировала боль.

– Черта с два! – крикнул Альфредо судье. – Черта с два, понял? Он стоял на линии. Что я мог сделать? Не было никакого нарушения правил!

А ведь он прав, подумал Кевин.

– Сам виноват! – продолжал Альфредо. – Если бы не...

– Заткнись, Альфредо! – перебила Рамона. – Тебе прекрасно известно, кто именно все это начал.

Альфредо холодно поглядел на нее и вновь повернулся к судье:

– Ну? Ты судья или кто, в конце-то концов? – Игроки обеих команд снова принялись обвинять друг друга. Фред поднес к губам судейский свисток.

– Тихо! Тихо! Если вы не разойдетесь, я прерву матч и засчитаю поражение тем и другим! Ну-ка, успокойтесь! – Он подошел к Кевину, окруженному игроками «Лобоса». – Уходи с поля. – Партнеры Кевина вознегодовали.

– В случае, когда бэтсмен сталкивается с полевым игроком, который стоял на линии, считается, что правила нарушает именно полевой игрок, – объяснил Фред, не обращая внимания на протесты. – Поэтому бросать в него мяч было незачем. Ступай отдохни, все равно осталось немного. Я хочу, чтобы игра закончилась нормально. Иди!

Кевина отвели к кромке поля, усадили на скамью. В горле пересохло... Наверно, он тоже кричал. Рядом сидела Рамона. Внезапно до Кевина дошло, что она придерживает его за локоть; дружеское, ободряющее прикосновение... Значит, Рамона открыто встала на его сторону! Он посмотрел на женщину, вопросительно приподняв бровь.

Рамона убрала руку. Кевин вдруг понял, что дрожит всем телом.

– Мерзавец, – проговорила Рамона, глядя на Альфредо, который по-прежнему о чем-то спорил с судьей. Кевин судорожно сглотнул и кивнул.

* * *

После игры, победу в которой все же одержал «Лобос», Кевин отправился домой, чувствуя себя полным идиотом. Подумать только, его выгнали с поля во время софтбольного матча! Такое, естественно, случалось, особенно если встречались команды, игроки которых по ходу дела утоляли жажду пивом. Однако это бывало крайне редко.

Неожиданно различив голос Альфредо, Кевин обернулся и сам поразился тому, насколько, оказывается, сильна его неприязнь к Блэру. Крошечную фигурку на дальнем конце поля окружали друзья... Ну и гад! Жаль, что не получилось врезать ему по второму разу...

– Эй, Кевин!

Он вздрогнул, испугался, что по его лицу можно догадаться, о чем он думает.

– Рамона!

– Интересная игра, верно?

– Да уж.

– Поехали со мной. Правда, у меня сегодня занятия, но они скоро закончатся, и мы сможем полетать.

– Договорились. – Вообще-то Кевин собирался поработать, но решил, что Хэнк и Габриэла вполне обойдутся без него.

Здание, в котором располагалась школа, навевало множество воспоминаний. Первым делом Кевин отправился в душевую рядом со спортивным залом, принял

душ, посмотрел на себя в зеркало – верхняя губа изрядно распухла. Попробовал причесаться, отказался от этой затеи и пошел искать Рамону. Урок уже начался; он поздоровался с ребятами и сел у дальней стены.

Темой урока оказалась популяционная биология, точнее, базовые уравнения, с помощью которых можно определить, как изменяется численность той или иной популяции в условиях замкнутой среды. Эти уравнения были нелинейными и описывали действительность весьма приблизительно: ведь в реальности установить периодичность изменения численности популяций не представлялось возможным. Тема была сложной, и объяснять Рамоне пришлось довольно долго, хотя она приводила множество примеров и старалась избегать ученой терминологии, а ребята засыпали ее вопросами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Ветер, дующий с одноименного перевала. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Снегопад, никудышная погода (нем.).

3

Иностранцы (нем.).

4

Извещение (нем.).

5

Вид на жительство (нем.).

6

Джулиус (Граучо) Маркс (1895–1977) – американский комик, один из четверых братьев, которые были популярны в тридцатых – сороковых годах XX в. В фильмах постоянно появлялся с усами и курил сигару.

7

Лу Гериг (1903–1941) – американский бейсболист, установивший рекорд по количеству сыгранных подряд игр (2130).

Персонаж повести Л. Кэрролла (1832–1898) «Алиса в Стране чудес».

Норман Рокуэлл (1894–1970) – американский художник-иллюстратор.

Купить: https://tellnovel.com/ru/robinson_kim/u-kromki-okeana

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)